

HISTORIA ROSSICA

Олег Будницкий
Александра Полян

Русско -
еврейский
Берлин

1920 - 1941

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Олег Будницкий

**Русско-еврейский
Берлин (1920—1941)**

«НЛО»

2015

Будницкий О.

Русско-еврейский Берлин (1920—1941) / О. Будницкий — «НЛО», 2015 — (Historia Rossica)

Предлагаемая вниманию читателей монография посвящена жизни российских евреев-эмигрантов в Берлине в период между двумя мировыми войнами. В работе рассказывается о социальной структуре и правовом статусе «русских евреев» в Берлине, об их повседневной жизни, взаимоотношениях с немецкими евреями, о деятельности различных благотворительных и профессиональных организаций (прежде всего – Союза русских евреев в Германии и Союза русской присяжной адвокатуры) в процессе адаптации эмигрантов к новым реалиям. Конечно, говоря об эмигрантах, нельзя обойти вопросы политики, идейных споров и дискуссий на темы недавней истории, в особенности русской революции, участия в ней евреев и ее воздействия на судьбы российского еврейства. В книге рассматривается также еврейский аспект культуры русского Берлина, ставшего в начале 1920-х годов «столицей» русской эмиграции. Отдельные главы посвящены жизни русских евреев при нацистском режиме (1933—1941), а также процессу реэмиграции в другие страны, преимущественно в США. Монография основана в значительной степени на материалах из архивов России, Германии и США. Книга адресована не только специалистам, но и всем читателям, интересующимся историей российского еврейства, историей русской эмиграции и культуры.

© Будницкий О., 2015
© НЛО, 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Будницкий, Александра Полян Русско-еврейский Берлин (1920—1941)

Введение ФЕНОМЕН РУССКО-ЕВРЕЙСКОГО БЕРЛИНА

Литературный критик и мемуарист Александр Бахрах оставил яркий портрет Берлина начала 1920-х годов:

Странный это был город, неповторимый, и едва ли гофмановское перо способно было бы с достаточной убедительностью передать «несуразность» Берлина начала двадцатых годов нашего века. В нем смешивалось многое – еще не зарубцевавшаяся горечь поражения, крушение всех недавних кумиров и то странное – тогда еще, собственно, Европе неведомое – явление, которое ученые финансисты именуют «инфляцией» и которое было не только экономическим или социальным, но в еще большей степени психологическим феноменом.

И рядом с этим куда-то (теперь мы знаем, в какие бездны) проваливающимся Берлином, в котором старый быт еще как будто внешне сохранялся и улицы были по-старому «причесаны», был еще другой город, страшноватый в его внутренней обнаженности и опустошенности. На таком фоне возник, преимущественно в западных кварталах германской столицы – с точки зрения местных жителей, как-то «ни с того ни с сего» – как бы «город в городе», русский Берлин. Сколько жителей он насчитывал, едва ли может быть точно установлено; во всяком случае, количество их выражалось тогда не то пяти-, не то шестизначными цифрами. Жители этого «города в городе» очень громко разговаривали на улицах на чуждом берлинцам языке, как будто вражеском, но и не совсем уже вражеском, тем более что «ам слав» – «славянская душа» – сразу же давала себя почувствовать. Здесь эти пришельцы, отнюдь не сливающиеся с общим пейзажем города, постепенно оседали, наивно думая, что круг их кочевой жизни этим завершился¹.

Кроме «славянских душ», о которых писал Бахрах, в этом странном, уютном и страшном городе появилось немало душ еврейских – в том числе русско-еврейских, к которым относился и сам автор цитированного выше фрагмента. Число жителей русского Берлина ныне установлено (хотя скорее приблизительно, чем точно) историками эмиграции: на пике «русского присутствия» в 1923 году оно достигало 360 тысяч человек. Из них значительную часть – по нашим оценкам, около четверти – составляли евреи, выходцы из бывшей Российской империи². О русском Берлине 1920 – 1930-х годов написано множество мемуаров и немало исследований. Автор практически любого «берлинского текста» отмечает еврейскую составляющую российской эмигрантской колонии. Марк Шагал говорил о Берлине 1920-х годов:

¹ Бахрах А.В. Андрей Белый // Бахрах А.В. Бунин в халате; По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2006. С. 232.

² Подробнее мы рассматриваем этот вопрос в первой главе настоящего исследования.

После войны Берлин стал чем-то вроде караван-сарая, где встречались все путешествующие между Москвой и западом... В квартирах на Bayrischer Platz было столько же самоваров, теософических и толстовских графинь, сколько бывало в Москве... За всю свою жизнь я не видел столько великолепных раввинов или такого множества конструктивистов, как в Берлине в 1923 году³.

По словам историка русского Берлина Карла Шлёгеля,

русская колония в Берлине не смогла бы функционировать без существенной роли русско-еврейских интеллектуалов, публицистов и предпринимателей. Берлинские годы Симона Дубнова (1922 – 1933) продемонстрировали особенный, неповторимый характер русского еврейства в Берлине, полнее всего выраженный в биографиях С.М. Дубнова и Я.Л. Тейтеля⁴.

Наша работа и является попыткой исследования «неповторимого характера» русского еврейства в Берлине. Прежде всего следует определиться с понятием русского еврейства, которое будет часто употребляться на страницах нашей книги. Это словосочетание в нашем исследовании обозначает, во-первых, всех евреев – выходцев из бывшей Российской империи, покинувших по тем или иным причинам свою родину; во-вторых, собственно «русское еврейство» – феномен, возникший во второй половине XIX века. Предметом нашего исследования является преимущественно вторая, небольшая по численности, но весьма влиятельная группа.

Напомним, что евреи «переехали» в Россию в результате разделов Польши в конце XVIII века. Вплоть до Февральской революции 1917 года евреи были ограничены в правах, в том числе в выборе места жительства. Они должны были жить в пределах Черты еврейской оседлости. Российская власть стремилась в конечном счете к эмансипации евреев, к интеграции их в российское общество. Это вполне соответствовало идее «регулярного государства». Вопрос был лишь в мерах и сроках. Меры поощрительные (например, разрешение «полезным» категориям евреев жить за пределами Черты оседлости, облегчение доступа к общему среднему и высшему образованию и даже выделение субсидий для этого) и ограничительные (запрещение ношения традиционной одежды или же выселение из сельской местности) чередовались или даже сочетались в одних и тех же законодательных актах⁵.

В отличие от своих довольно быстро эмансипирующихся (начиная с эпохи Великой французской революции) западноевропейских собратьев, российские евреи едва ли не на

³ Цит. по: Боулт Дж. Бегство в Берлин: Иван Пуни в эмиграции // Русский Берлин, 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006. С. 224.

⁴ Шлегель К. Русский Берлин: попытка подхода // Русский Берлин, 1920-1945. С. 17.

⁵ Подробнее об истории евреев в России см. обобщающие работы: Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. Л., 1925 – 1927. Т. 1 – 2; Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960; Очерк истории еврейского народа / Ред. проф. Ш. Эттингер. Иерусалим, 1990. Т. II; Baron S. The Russian Jew Under Tsars and Soviets. 2nd ed. New York, 1976; Löwe H. – D. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772 – 1917. Chur, 1993; Gitelman Z. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present. 2nd ed. Bloomington, 2001, а также монографии, в которых рассматриваются основные проблемы истории евреев в России и отношение российского государства и общества к ним (в хронологической последовательности): Klier J.D. Russia Gathers her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia 1772 – 1825. DeKalb, 1986 (рус. пер. дополненного и переработанного варианта этой книги: Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. М.; Иерусалим, 2000); Idem. Imperial Russia's Jewish Question, 1855 – 1881. Cambridge, 1995. Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825 – 1855. Philadelphia, 1983; Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles, 1986; Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L, 2002. См. также: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005. С. 13 – 92. Перечень носит далеко не исчерпывающий характер.

протяжении столетия оставались общественной группой, «отличавшейся от коренного населения религией и собственными общинными институтами и выполнявшей специфические экономические функции вне рамок господствующих корпораций и гильдий»⁶. Собственно, о «русском еврействе» можно говорить лишь начиная с 70-х годов XIX века; до этого времени евреи Российской империи оставались скорее «польскими евреями».

Впрочем, и само польское еврейство, ставшее российским, не было единым. По словам израильского историка М. Минца, «российское еврейство, как единое целое, существовало только в фантазиях еврейских общественных деятелей Петербурга и Одессы... Однако на самом деле российское еврейство не существовало как единое целое. Украинские, белорусские, литовские, польские и бессарабские⁷ евреи являлись отдельными общинами, а не расплывчатым географическим или региональным понятием»⁸. Впервые словосочетание «русские евреи», по наблюдению Б. Натанса, было употреблено в 1856 году в докладе министра внутренних дел⁹. По мнению Н.В. Юхневой, в докладе министра речь шла обо всех евреях – российских подданных; впервые же термин «русские евреи», подразумевая обрусевших или во всяком случае подвергшихся заметному влиянию русской культуры евреев, употребил И.Г. Оршанский применительно к «таврическим евреям» в книге «Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев»¹⁰.

Эпоха «великих реформ» Александра II создала возможности «прорыва» евреев за пределы Черты оседлости и положила начало, в известном смысле, «русификации» части еврейства, причем в отличие от предыдущего царствования этот все более ускорявшийся процесс был добровольным. «Право жительства» за пределами Черты получили сначала купцы 1-й гильдии (1859), затем лица с высшим образованием, с учеными степенями кандидата, магистра, доктора (прежде всего медицины) (27 ноября 1861 года); в 1865 – 1867 годах закон был распространен на евреев-врачей, не имеющих ученой степени, в 1872-м – на выпускников Санкт-Петербургского Технологического института. Наконец, в 1879-м право жить за Чертой получили все, окончившие курс в высших учебных заведениях, а также аптекарские помощники, дантисты, фельдшеры, повивальные бабки и изучающие фармацевтику, фельдшерское и повивальное искусство. 28 июня 1865 года такое же право получили ремесленники, а 25 июня 1867-го – отставные николаевские солдаты. Евреи получили также право поступать на государственную службу, участвовать в городском¹¹ и земском самоуправлении и новых судах.

Разрыв между «передовым отрядом» российского еврейства, все более интегрировавшимся в русское общество, и основной массой их «местечковых» единоверцев увеличился. Они постепенно даже начинали говорить «на разных языках» в прямом смысле этого слова.

В 1897 году 5 054 300 (96,90 %) российских евреев называли жаргон, т.е. идиш, родным языком¹². Далее шли русский язык – 67 063 (1,28 %), польский – 47 060 (0,90 %) и немецкий

⁶ Ципперштейн С. Евреи Одессы: История культуры. 1794 – 1881. М.; Иерусалим, 1995. С. 15.

⁷ Бессарабия вошла в состав России в 1812 году.

⁸ Минц М. Национальные движения евреев и других меньшинств в национальных государствах // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 202.

⁹ Натанс Б. За Чертой: евреи, русские и «еврейский вопрос» в Петербурге (1855 – 1880) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С. 28, прим. 1.

¹⁰ Юхнева Н.В. Русские евреи как новый субэтнос // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 481 – 482; Оршанский И.Г. Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. С. 183.

¹¹ Однако по Городовому положению 1870 года даже в городах с преобладающим еврейским населением евреи не могли составлять более трети гласных городской думы и не могли избираться городскими головами.

¹² Среди тех 3 % евреев, которые уже не могли назвать идиш родным языком, был 18-летний Лев Бронштейн-Троцкий. Он говорил с детства на смеси русского и украинского; племяннику его матери пришлось учить юного Лева чисто и без акцента (украинского!) говорить по-русски (*Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky: 1879 – 1921. N.Y., 1965. Vol. I. P. 11*

– 22 782 (0,44 %) ¹³. При этом по-русски умели читать «несколько менее половины (45 %) взрослых евреев мужского пола» и четверть женского. По знанию «русской грамоты» евреи занимали одно из первых мест среди народов России; они отставали от немцев, но опережали русских. В Черте оседлости подавляющее большинство евреев могло объясняться по-украински или по-белорусски ¹⁴.

Быстрыми темпами шли процессы аккультурации и ассимиляции петербургских евреев. В 1855 году в Петербурге насчитывалось менее 500 евреев, в 1910-м – почти 35 тысяч. Если в 1869 году идиш называли родным языком 97 % евреев – обитателей Петербурга, то в 1890 году русский язык считали родным 28 % петербургских евреев, в 1900 году – 36 %, в 1910-м – 42 %, в то время как доля идиша снизилась до 42% ¹⁵. Дети еврейской элиты ходили в русские гимназии, учились в русских университетах, постепенно они становились людьми русской культуры. Это было характерно не только для евреев Петербурга: сходные процессы наблюдались среди еврейского населения других крупных городов. Приобщение к русской культуре не означало (во всяком случае, не для всех и не всегда) отход от еврейства или разрыв с ним. Немалое число успешных предпринимателей, политиков, интеллектуалов, профессионалов, интегрировавшихся в русское общество, чувствовали ответственность за своих менее преуспевших единоплеменников и активно участвовали в различных благотворительных и просветительских организациях. Эта традиция, сформировавшаяся еще в России, затем будет продолжена в эмиграции.

В конце XIX – начале XX века быстрыми темпами шло разложение традиционного еврейского общества: эмиграция, стремление все большего количества молодых людей получить светское образование, пролетаризация значительной части еврейского населения подрывали систему ценностей, считавшихся ранее бесспорными.

Все большее число евреев, преимущественно молодежи, втягивалось в политическую борьбу. Наряду с радикализацией «еврейской политики» продолжался процесс интеграции евреев в российское общество ¹⁶. В течение полувека сформировалась субкультура «русских евреев», считавших себя, даже если это не произносилось вслух, «русскими Моисеева закона». Это была сравнительно малочисленная, но весьма влиятельная группа, заметно отличавшаяся от своих соплеменников по уровню образования, материальному благосостоянию, профессиональному составу, культуре. Они были глубоко укоренены в российской экономике ¹⁷, активны в российской политике. Для большинства из них русская культура стала столь же своей, как еврейская, а русский язык был если и не родным, то во всяком случае языком профессионального общения. Многие из них принадлежали к числу творцов русской культуры. Вовсе не все из них были сторонниками ассимиляции; далеко зашедший

– 12).

¹³ Еврейский ежегодник «Кадима» на 1918 – 1919 г. / Ред. Б.А. Гольдберг. Пг., 1918. С. 21.

¹⁴ Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи. 1897 г. / Сост. Б.Д. Бруцкус. СПб., 1909. С. 61, 41.

¹⁵ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Л., 1984. С. 210; Nathans B. Beyond the Pale. P. 92, 111.

¹⁶ Собственно, вовлеченность в политическую борьбу в империи также была формой интеграции.

¹⁷ По нашим подсчетам, в 1914 году евреи составляли около 20 % «деловой элиты» России. Подсчитано по кн.: Боханов А.Н. Деловая элита России. 1914 г. М., 1994. С. 68-265. Автор указанного справочника относит к деловой элите предпринимателей, занимавших не менее двух постов в руководстве акционерно-паевых обществ. При некоторой условности подобного определения деловой элиты, «выборка», на наш взгляд, довольно репрезентативна. Включенные в справочник лидеры делового мира входили в руководство двух третей акционерных компаний, действовавших в России. На 1 июля 1914 года таковых в России насчитывалось 2303. Известный экономист (в недалеком будущем министр финансов Временного правительства, а затем правительств Деникина и Врангеля) проф. М.В. Бернацкий писал, что евреи составляют больше трети «торгового класса» России (Бернацкий М. Евреи и русское народное хозяйство // Щит: Лит. сборник / Ред. Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. М., 1915. С. 30 – 31).

процесс аккультурации отнюдь не означал отказа от еврейских корней и от борьбы за интересы еврейского народа.

Предприниматели, врачи, юристы, ученые, литераторы, издатели – они считали Россию страной, в которой евреи смогут в конечном счете жить не хуже, чем, скажем, в Германии – надо лишь вместе со своими русскими товарищами добиться либерализации, европеизации страны. Они были такими же (если не еще более рьяными) патриотами, как их русские коллеги и единомышленники.

Выделяя русских евреев-эмигрантов, ставших частью так называемой «первой волны» (1918 – 1940) русской эмиграции, мы полагаем, что двумя важнейшими признаками, отличавшими их от остальной массы российских евреев-беженцев, были русский язык и связь с Россией. Точнее, намерение вернуться в Россию. Они уехали (чаще – бежали) не потому, что хотели навсегда оставить свою не всегда ласковую родину. Они стали эмигрантами, поскольку не могли существовать – по политическим, экономическим или иным причинам – в обстановке Гражданской войны или при большевистском режиме. Они уехали в надежде вернуться.

Правда, это относилось далеко не ко всем. Едва ли жители местечек и городов Черты оседлости, страдавшие от погромов и дискриминации со стороны властей, были склонны идеализировать дореволюционную Россию и воспринимать себя как неотъемлемую ее часть. Целью сионистов было создание еврейского государства в Палестине. Именно Палестину, а не Россию считали они своей родиной. Но вот парадокс – языком, на котором чаще всего российские сионисты обсуждали проблемы своего движения, был русский. Сионистская газета «Рассвет», выходившая в 1922 – 1924 годах в Берлине (затем в Париже), печаталась на русском языке. Российские сионисты были в определенной (иногда значительной) степени русскими интеллигентами и – вольно или невольно – были вовлечены в полемику со своими единоплеменниками по вопросу о судьбе еврейского народа, полемику, неизбежно затрагивавшую проблемы существования евреев в России, так же как настоящее и будущее самой России. Poleмика велась, как правило, на русском языке.

Итак, с одной стороны, предмет нашего исследования – русско-еврейская община межвоенного Берлина – является частью русской эмиграции вообще и российского эмигрантского сообщества (при всей условности применения термина к нередко враждующим между собой или не соприкасающимся друг с другом эмигрантским группировкам) в Берлине в частности. Соответственно, избранная нами тема является одним из аспектов истории русской эмиграции. С другой стороны, говоря о русских евреях в Берлине, нельзя обойти еще одну тему – историю евреев-иностранцев (преимущественно беженцев из Восточной Европы) в Веймарской Германии.

В англо- и немецкоязычной литературе этих евреев принято называть «Ostjuden» – «восточные евреи». Этот термин неоднозначен: в русском узусе он может обозначать евреев из различных азиатских общин или евреев, пользующихся сефардским литургическим каноном¹⁸, и тогда в эту общность попадают все евреи, кроме ашкеназов¹⁹. Поэтому по отноше-

¹⁸ Сефарды (*иврит* сефарадим, *совр.* сфарадим) – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове в Средние века. Место своего проживания – Испанию – они обозначали библейским топонимом Сефарад. В 1492 году они были изгнаны из Испании, в 1496-м – из Португалии. Часть сефардов приняла христианство (марраны), остальные покинули Пиренейский полуостров и расселились в Северной Африке, Малой Азии, на Балканском полуострове, на юге Франции, в Нидерландах, Англии и некоторых других странах. Исторически бытовым языком сефардских евреев служил джуземзо (бытовое не вполне корректное его название – ладино), близкий к испанскому. В Новое время литургический канон (вид синагогальной службы, а также вид молитвенника) сефардов распространился и среди многих других еврейских общин (живших в Азии, Африке и на Кавказе), вытеснив их собственные каноны. По этой причине в современной исследовательской литературе термин «сефарды» может употребляться в двух значениях: 1) испанские евреи (собственно сефарды), 2) представители всех восточных (неашкеназских) еврейских общин.

¹⁹ Ашкеназы – термин, обозначавший в средневековой еврейской литературе евреев, проживавших в бассейнах Майна, верхнего Рейна и Дуная, а затем на всей территории современной Германии. В последующем стал обозначать не только

нию к евреям Центральной и Восточной Европы, которые как раз и составляли основную массу эмигрантов, мы предпочитаем употреблять словосочетание «восточноевропейские евреи». Или используем оригинальный термин, приводя его в транслитерации: «остьюден».

Языком «еврейской улицы» в Берлине, так же как и в городах и местечках бывшей Российской империи, оставался идиш. Впрочем, на идише говорила и писала не только «улица». Идиш был основным языком группы еврейских интеллектуалов, публицистов, историков, писателей, обосновавшихся в Берлине, – Довида Бергельсона, Якова Лещинского, Нохума Штифа, Ильи Черикова и других. Иврит еще не часто звучал в среде еврейской интеллектуальной элиты, не говоря уже о беженцах, принадлежавших к низшим социальным слоям. Однако же наряду с идишистскими издательствами, к примеру «Швелн», в Берлине возник в 1921 году филиал тель-авивского издательства «Двир», главной задачей которого было пропагандировать произведения еврейских авторов из России, написанных на иврите или переведенных на иврит. Основал берлинский филиал «Двира» поэт Хаим Нахман Бялик. Художник Леонид Пастернак (отец поэта Бориса Пастернака) в начале 1920-х годов возглавлял отдел в еще одном ивритоязычном берлинском издательстве – «Явне»²⁰.

В.Е. Кельнер, автор фундаментальной биографии великого еврейского историка С.М. Дубнова, прожившего в Берлине более 10 лет, выделяет две группы среди евреев-эмигрантов из России: «русско-еврейскую» и «еврейско-русскую». По его словам,

в основе жизни русско-еврейской и еврейско-русской культурных общностей лежат разные системообразующие признаки. В первом случае это группа, объединенная языком и культурно-политическими традициями, сложившимися в России на протяжении нескольких десятилетий конца XIX – начала XX в. Члены этой группы воспринимали себя как часть общероссийской эмиграции. Во втором случае это представители народной массовой идишистской культуры, идейно и политически далеко отстоявшие от русско-еврейской интеллигенции – основы русско-еврейской эмиграции. Так же далеко не идентичны они были и со сторонниками сионизма. Но думается, что их общая национальная деятельность все же позволяет, хотя и достаточно условно, объединить их в некую еврейско-русскую группу. Тут решающим становится «страна исхода», то есть географический фактор. При этом нельзя не учитывать, что представители всех групп не были отделены друг от друга непреодолимыми препятствиями. Между ними существовало немало общих точек соприкосновения, основой для которых являлась национальная общность и единая историческая «русская» память²¹.

Эти нередко далеко отстоящие друг от друга в культурном, социальном и политическом отношении группы объединял еще один фактор – кровь. Та кровь, которая, по словам Юлиана Тувима, течет не в жилах, а из жил. Рост национализма, точнее, «национализм» в межвоенной Европе сказывался на евреях больше, чем на какой-нибудь другой этнической группе. Евреи подвергались дискриминации, различного рода ограничениям в Польше, прибалтийских республиках, Румынии, Венгрии. На этом фоне Германия – при всем росте антисемитизма после Первой мировой войны – казалась едва ли не Землей обетованной, несмотря на нередкие погромы, полицейские облавы и публичные антисемитские заявления, которые исходили в том числе от представителей властей. В 1933 году в Германии к вла-

евреев Германии, но и всех евреев, являющихся по своему происхождению потомками еврейского населения Германии Средних веков, в первую очередь – еврейство Восточной Европы, в т.ч. польское и русское. Обиходным языком ашкеназов был идиш.

²⁰ Кельнер В.Е. Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб.: Мирь, 2008. С. 572.

²¹ Кельнер В.Е. Миссионер истории. С. 573 – 574.

сти приходят национал-социалисты, ставившие своей целью поначалу вытеснение евреев из страны, а впоследствии – их поголовное истребление. В 1930-е годы еврей-эмигранты из России – религиозные ортодоксы и свободомыслящие, атеисты и перешедшие в православие – начинают преследоваться нацистами по одному объединяющему признаку – признаку крови.

Наиболее активными и заметными на берлинской политической, культурной и общественной эмигрантской сцене были «русские евреи», для которых если не родным, то рабочим языком был язык Пушкина и Льва Толстого. По мнению Карла Шлёгеля, русские евреи представляли собой «организующую» и «интегрирующую» силу русской эмиграции в Берлине. Он выделяет три ведущие группы среди нерусских народностей бывшей Российской империи, занесенных ветром революции в Берлин. Первыми двумя были немцы – российские (в прошлом преимущественно жители крупных городов – Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и Саратова) и балтийские.

Третья группа – русские евреи – была наиболее буржуазной среди эмигрантов. Она поставляла основную массу представителей свободных профессий: врачей, адвокатов, издателей, публицистов, – образуя своего рода организующий центр русской диаспоры. Ее представители не имели ничего общего с живущими в Германской империи восточноевропейскими евреями и придавали важное значение тому, чтобы их с ними не ставили на одну доску. На основе своей культуры и социального статуса русские евреи поддерживали всесторонние и тесные отношения с берлинскими еврейскими организациями. По отношению к «белой» монархической эмиграции, весьма склонной к антисемитизму, русские евреи отчетливо стремились сохранять дистанцию. Слишком живы были воспоминания о страшных погромах царского времени. Тот факт, что важнейшую русскую ежедневную газету Берлина «Руль» называли «еврейской газетой», как, между прочим, и вторую ведущую эмигрантскую газету – рижскую «Сегодня», отражал важную интегрирующую роль, которую играли евреи в русской эмиграции²².

За исключением фразы, касающейся воспоминаний о погромах царского времени (на самом деле в памяти евреев были более свежие, так же как более страшные воспоминания о погромах Гражданской войны, погромах, ответственность за значительную часть которых несли войска белых), Карл Шлёгель довольно точно описывает характер и значение еврейской эмиграции в Берлине. Точнее, ее ядра, профессиональной и интеллектуальной элиты.

Итак, важная роль русско-еврейской послереволюционной эмиграции в истории российского еврейства, так же как в истории «первой волны» русской эмиграции, у исследователей сомнений не вызывает. История русско-еврейской эмиграции в Германии в целом, и в Берлине в особенности, неоднократно в различных аспектах затрагивалась в научной литературе.

Пионерами здесь, что вполне естественно, стали немецкие исследователи. Уже в 1920-е годы защищаются первые диссертации, причем одна из них – в 1920 году! В диссертации Клары Эшельбахер «Еврейская иммиграция в Берлин» (Берлин, 1920)²³ представлен первый статистический анализ этого явления, описывается социальный состав мигрантов и их экономическое положение. Диссертация Лео Скларжа озаглавлена «История и организация

²² Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 160.

²³ Eschelbacher K. Die ostjüdische Einwanderungsbevölkerung der Stadt Berlin. Ph. Diss. Berlin, 1920.

помощи восточным евреям в Германии с 1914 года» (Росток, 1926)²⁴. В этих исследованиях русско-еврейская эмиграция рассматривалась в рамках истории иммиграции в Германию восточноевропейских евреев. Подробнейшие статистические сведения о еврейской общине Германии в целом и иммигрантской ее составляющей в частности приведены в работе Х. Зильберглайта «Демографическая и экономическая статистика евреев в немецком государстве» (Берлин, 1930)²⁵.

Ряд работ, в которых среди прочего затрагивалась и проблема эмиграции евреев из России в Германию, опубликовал в 1920-е и начале 1930-х годов выдающийся социолог, экономист и еврейский общественный деятель Яков Лещинский (1876 – 1966). В 1922 году вышла на идише его книга «Дос йидише фолк ин циферн» («Еврейский народ в цифрах»), посвященная демографическим процессам в мировом еврействе. В 1926 году – на немецком языке «Проблема движения народонаселения у евреев», в 1927-м – на идише «Ди йидише вандерунг фар ди лезде 25 йор» («Миграции евреев за последние 25 лет»)²⁶. Лещинский, будучи эмигрантом из России, знал описываемое явление изнутри.

Подробный статистический очерк еврейской эмиграции представляет собой статья Герша Либмана «Международные миграции евреев». Статья была опубликована в сборнике «Международные миграции» (Нью-Йорк, 1931)²⁷. В 1939 году в сборнике «Еврейский мир» (Париж) были приведены сведения о деятельности международных организаций еврейской социальной помощи, часть из которых (Джойнт, ОРТ, ОЗЕ и другие) поддерживали в числе прочих восточноевропейских евреев в Берлине²⁸.

В 1959 году вышла в свет книга Шалом (Соломона) Адлер-Руделя «Восточноевропейские евреи в Германии, 1880 – 1940»²⁹ – исследование, до сих пор остающееся одним из самых авторитетных. Его автор, Адлер-Рудель, был активистом Бюро поечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt), одной из крупнейших организаций, помогавших мигрантам. С 1926 по 1928 год он издавал газету «Еврейский рабочий» (Jüdischer Arbeiter). В книге прослежена история возникновения общины восточноевропейских евреев в Берлине, отношения к ним со стороны немцев и немецких евреев, а также попытки решить проблемы мигрантов, связанные с жильем и трудоустройством; большое внимание при этом уделяется, разумеется, деятельности Arbeiterfürsorgeamt.

Наиболее масштабным исследованием истории иммиграции восточноевропейских евреев является работа Труде Маурер «Восточные евреи в Германии: 1918 – 1933» (Гамбург, 1986)³⁰. Работа основана на материалах архивов и периодической печати Германии, Израиля и США. В ней рассматривается история возникновения общины восточноевропейских евреев, ее социальная структура и история различных организаций самопомощи. Однако фундаментальная монография Маурер посвящена в основном отношению немецкого общества (в частности, подробно анализируются стереотипы в отношении мигрантов, бытовавшие среди немцев), в том числе немецкого еврейства, к остьюденам.

Проблеме восприятия восточноевропейских евреев немецкими, отношению разных кругов немецко-еврейского общества к мигрантам посвящены также: книга С. Ашхайма

²⁴ Sklarz L. Die Geschichte und Organisation der Ostjudenhilfe in Deutschland seit dem Jahre 1914. Inaugural-Dissertation. Rostock, 1926.

²⁵ Silbergleit H. Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich. Berlin, 1930.

²⁶ Leščinski, Yankev (Jacob). Di yidiše vanderung far di letste 25 yor. Berlin, 1927 (идиш).

²⁷ Liebmann H. International Migration of the Jews // International Migrations / Ed. W.F. Willcox. Vol. II. Interpretations by a group of scholars in different countries. New York, 1931.

²⁸ Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. Иерусалим; М.; Минск, 2002 (репринтное воспроизведение издания 1939 года). С. 330 – 369.

²⁹ Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959.

³⁰ Maurer T. Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933. Hamburg, 1986.

«Братья и чужаки. Восточноевропейские евреи в Германии и самосознание немецких евреев, 1800 – 1923» (1982)³¹, статьи Й. Вайс «Мы, западные евреи, – еврейские националисты» (опубликована в: Архив социальной истории. Т. 37. Брауншвейг; Бонн, 1997)³², П. Мендес-Флора «Опыт войны и еврейское сознание» (опубликована в: Еврейская жизнь в Веймарской республике. Тюбинген, 1988)³³ и Л. Хайда «"Быть пролетарием и к тому же евреем – несказанная мука..." Социалисты о "восточноеврейском вопросе"»³⁴. Эта же проблема рассматривается в обзорных исторических трудах: «История евреев Германии в Новое время» А. Баркай и П. Мендес-Флора³⁵ и «Евреи в Германии: от римского периода до Веймарской республики» Т.Н. Гидаля³⁶. В этих двух работах речь идет о двойственной реакции немецких евреев на своих восточноевропейских соплеменников.

О сложном отношении к мигрантам со стороны немецко-еврейских интеллектуалов – статья М. Брумлика «От обскурантизма к сакрализации. "Размышления о восточных евреях" у Бубера, Гешеля, Левинаса», опубликованная в специальном выпуске журнала «Osteuropa»³⁷, посвященном истории восточноевропейского еврейства. О поддержке восточноевропейских евреев их немецкими единоверцами, об организации германской еврейской общиной юридической защиты мигрантов пишет Дональд Ньюик в работе «Евреи в Веймарской Германии» (Батон-Руж, Луизиана, 1980)³⁸. Ньюик анализирует также социальные изменения, происходившие в среде восточноевропейских евреев в эмиграции, а также взаимоотношения евреев с немецким обществом и проблемы, с которыми они сталкивались, прежде всего антисемитскую реакцию и утверждения о засилье евреев в межвоенной Германии.

Отдельным защитникам восточноевропейского еврейства посвящены статьи Л. Хайда (о Г. Эпштейне)³⁹, Э. Федера (о П. Натане)⁴⁰, Т. Лёве и Р. Вистриха (об Э. Бернштейне)⁴¹, Д. Бреннера (об авторах журнала «Ost und West»)⁴². Проблеме антисемитизма в Германии посвящены исследования Х. Бибера: опубликованная в журнале «YIVO-Bleter» статья на идише «Антисемитизм в первые годы Веймарской республики» (вып. XXIX) и работа «Антисемитизм как отражение социальной, экономической и политической напряженности

³¹ *Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800 – 1923. Madison, Wisconsin, 1982.

³² *Weiß Y.* Wir Westjuden haben jüdisches Stammesbewußtsein // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997.

³³ *Mendes-Flohr P.* The Kriegserlebnis and Jewish Consciousness // Jüdisches Leben in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998.

³⁴ *Heid L.* «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...» Sozialisten zur «Ostjudenfrage» // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religiös-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992.

³⁵ *Barkai A., Mendes-Flohr P.* German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918-1945. New York, 1998; см. также: *Lowenstein S.M., Mendes-Flohr P., Pulzer P., Richarz M.* Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit. München, 1997. B. 3.

³⁶ *Gidal T.N.* Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat haromaim 'ad le-republiqat Waymar. Yerušalayim, 1997.

³⁷ *Brumlik M.* Vom Obskurantismus zur Heiligkeit. «Ostjüdisches Denken» bei Buber, Heshel, Levinas // Osteuropa. 2008 (August – Oktober). 58. Jahrgang. Heft 8 – 10.

³⁸ *Niewyk D.L.* The Jews in Weimar Germany. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980.

³⁹ *Heid L.* Harry Epstein – Ein Anwalt der Ostjuden in der Zeit der Weimarer Republik // Juden in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Graß, J.H. Schoeps. Stuttgart; Bonn, 1985.

⁴⁰ *Feder E.* Paul Nathan – Politiker und Philanthrop // Deutsches Judentum. Aufstieg und Krise. Stuttgart, 1963.

⁴¹ *Löwe T.* Der Politiker Eduard Bernstein: eine Untersuchung zu seinem politischen Wirken in der Frühphase der Weimarer Republik 1918 – 1924. Bonn, 2000; *Wistrich R.S.* Eduard Bernsteins Einstellung zur Judenfrage // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religiös-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992.

⁴² *Brenner D.A.* Promoting East European Jewry: Ost und West, Ethnic Identity, and the German-Jewish Audience // Prooftexts. 1986. Vol. 15. No. 1.

в Германии: 1880 – 1933», вошедшая в сборник статей «Евреи и немцы, 1860 – 1933: проблемы сосуществования» под редакцией Д. Бронзена (Гейдельберг, 1979)⁴³.

Сложным взаимоотношениям русских евреев с другими эмигрантами из России посвящена статья М. Феттера «Русская эмиграция и ее “еврейский вопрос”» (опубликована в сборнике «Русская эмиграция в Германии, 1918 – 1941» под редакцией К. Шлёгеля)⁴⁴. Попытка реконструкции жизни восточноевропейских евреев в Шойненфиртеле – эмигрантском квартале Берлина – предложена в статье А. – К. Засс «“Ikh bin an emigrant... tsvishn emigrantn... ikh vil es mer nisht...”». Еврейские мигранты из Восточной Европы в Берлине 1918 – 1933 годов», опубликованной в сборнике «Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005»⁴⁵.

Культура евреев из Восточной Европы в Германии – тема исследования М. Найс, посвященного периодическим изданиям на идише («Пресса в пути. Газеты и журналы на идише в Берлине: 1919 – 1925 годы») ⁴⁶. Этой теме посвящена также статья М. Дмитриевой «Следы путешествия. Еврейские художники из Восточной Европы в Берлине», опубликованная в журнале «Osteuropa»⁴⁷. Идеология самих остьюден – предмет рассмотрения Л. Хайда в его статье «“Для восточноевропейского еврея Германия – это страна Гете и Шиллера”. Культура и политика рабочих – восточноевропейских евреев в Веймарской республике» (опубликована в: Архив социальной истории. Т. 37. Брауншвейг; Бонн, 1997)⁴⁸.

История русско-еврейской эмиграции, точнее еврейской части российской эмиграции, затрагивается в общих работах, посвященных истории и культуре российских изгнанников. Разумеется, историю русско-еврейской эмиграции можно изучать только в контексте истории российской диаспоры.

Истории русской эмиграции в Германии и в особенности в ее столице – Берлине – посвящено несколько значительных работ. Фундаментальное исследование, остающееся до сих пор одним из лучших (в особенности в отношении статистических данных о демографии русской эмигрантской общины), принадлежит перу немецкого ученого Х. – Э. Фолькмана. Это монография «Русская эмиграция в Германии, 1919 – 1929» (Вюрцбург, 1966)⁴⁹. Автор реконструирует численность русских в Германии и их положение де-юре и де-факто, описывает организации, предоставлявшие эмигрантам юридическую и финансовую помощь и осуществлявшие общинное строительство в эмиграции.

В 1990-е годы, когда история русской эмиграции становится популярной темой не только в России, но и в других странах, выходит работа Б. Доденхёфт «“Отпустите меня в Россию”. Русские эмигранты в Германии с 1918 по 1945 год» (Франкфурт-на-Майне; Берлин; Берн, 1993)⁵⁰, сборник статей под редакцией К. Шлёгеля «Русская эмиграция в Германии, 1918 – 1941» (Берлин, 1994)⁵¹, его же работа «Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945)»⁵². В последней отдельная глава

⁴³ Bieber H. – J. Anti-Semitism as a Reflection of Social, Economic and Political Tension in Germany: 1880 – 1933 // Jews and Germans from 1860 to 1933: the Problematic Symbiosis / Ed. D. Bronsen. Heidelberg, 1979.

⁴⁴ Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

⁴⁵ Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005 / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008.

⁴⁶ Neiss M. Presse im Transit. Jiddische Zeitungen und Zeitschriften in Berlin von 1919 bis 1925. Berlin, 2002.

⁴⁷ Dmitrieva M. Spuren des Transits. Jüdische Künstler aus Osteuropa in Berlin // Osteuropa. 2008 (August – Oktober). 58. Jahrgang. Heft 8 – 10. S. 233 – 246.

⁴⁸ Heid L. «Dem Ostjuden ist Deutschland das Land Goethes und Schillers». Kultur und Politik von ostjüdischen Arbeitern in der Weimarer Republik // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997.

⁴⁹ Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919 – 1929. Würzburg, 1966.

⁵⁰ Dodenhoeft B. «Laßt mich nach Rußland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern, 1993.

⁵¹ Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

⁵² Schlögel K. Berlin Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998 [рус. пер.: Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное

посвящена берлинским годам жизни С.М. Дубнова. Чрезвычайно ценной является хроника общественно-политической и культурной жизни русской эмигрантской общины в Берлине, составленная по данным периодических изданий (вышла в 1999 году под редакцией того же неумолимого К. Шлёгеля и его коллег)⁵³.

Без особого риска ошибиться можно утверждать, что львиная доля исследований по истории русской эмиграции посвящена ее культуре. Среди русских эмигрантов было немало представителей русского Серебряного века – писателей, поэтов, художников, литературных критиков, театральных деятелей. Не является исключением и русская эмиграция в Германии, тем более что Берлин в начале 1920-х годов был бесспорной культурной столицей русского зарубежья. Среди работ по истории культуры русской эмиграции в Германии выделяется вышедшая в 1972 году монография Р. Уильямса «Культура в изгнании. Русские эмигранты в Германии, 1881 – 1941»⁵⁴. Содержание книги шире ее названия: автор не только анализирует развитие литературы и искусства, историю периодики и эмигрантские книгоиздательства, но рассматривает также и политическую жизнь эмиграции. Определенное, хотя и гораздо меньшее внимание уделяется социальной структуре, правовому статусу эмигрантской общины. Уильямс кратко останавливается на истории русско-еврейской эмиграции в Берлине, в числе прочего упоминает и о деятельности различных еврейских организаций.

Немалое место истории культуры русского Берлина отведено в классическом исследовании Марка Раева «Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919 – 1939»⁵⁵. Культурной жизни русской общины в Берлине посвящено несколько исследований, опубликованных в Германии в конце 1980-х и в 1990-е годы. Это книга Ф. Мирау «Русские в Берлине. Литература. Живопись. Театр. Кино. 1918 – 1933» (Лейпциг, 1987)⁵⁶, сборники «Москва – Берлин, 1900 – 1950» (Мюнхен; Нью-Йорк, 1995)⁵⁷ и «Русские в Берлине. 1910 – 1930» (Берлин, 1995)⁵⁸. Творчество художников русского Берлина, в значительной своей части евреев, рассмотрено в монографии А.В. Толстого «Художники русской эмиграции»⁵⁹. Полезные сведения по интересующей нас теме можно найти в сборнике «Русский авангард 1910 – 1920-х годов в европейском контексте» (М., 2000) и специальном выпуске журнала «Пинакотека» (1999, № 10 – 11), посвященном художественной культуре русского зарубежья⁶⁰.

Гebraистскому Берлину 1910 – 1920-х годов посвящено фундаментальное исследование Шахара Пинскера «Литературные паспорта: создание модернистской прозы на иврите в Европе» (Стэнфорд, 2011)⁶¹. Мы пользовались также статьями Барбары Шефер и Рахель Перец, опубликованными в сборнике «Еврейские языки в немецком окружении. Иврит и идиш со времен Просвещения до XX века» (редактор – проф. М. Бреннер)⁶². В состав того

обозрение, 2004].

⁵³ Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin, 1999.

⁵⁴ Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany. 1881 – 1941. Ithaca; London, 1972.

⁵⁵ Raef M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919 – 1939. New York; Oxford, 1990.

⁵⁶ Mierau F. Russen in Berlin. Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918 – 1933. Leipzig, 1987.

⁵⁷ Berlin – Moskau / Москва – Берлин, 1900 – 1950. München; New York: Prestel, 1995.

⁵⁸ Die Russen in Berlin. 1910 – 1930. Berlin, 1995.

⁵⁹ Толстой А.В. Художники русской эмиграции. М.: Искусство-XXI век, 2005.

⁶⁰ См. также: Wolitz S. The Kiev-Gruppe (1918 – 1920) Debate: The Function of Literature // Studies in American Jewish literature. 1978. No. 4; Kazovsky H. Jewish Artists in Russia at the Turn of the Century: Issues of National Self-Identification in Art // Jewish Art. 1995/96. No. 21/22; Казовский Г. Художники Культур-Лиги. М.; Иерусалим, 2003; Духан И. Эль Лисицкий и русско-еврейско-немецкий авангард // Русско-еврейская культура / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006 и др.

⁶¹ Pinsker Sh.M. Literary Passports: The Making of Modernist Hebrew Fiction in Europe. Stanford: Stanford University Press, 2011.

⁶² Schaefer B. Hebräisch im zionistischen Berlin // Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. M. Brenner. Göttingen, 2002; Perets R. Die Vermittlung der hebräischen Sprache in

же сборника входят статьи об идишеязычной культуре в Берлине: Д. Бештель «Литература и культура на идише в Берлине в кайзеровскую и Веймарскую эпоху»⁶³ и А. Эшеля об отношении Ф. Кафки и П. Целана к ивриту и идишу⁶⁴.

Культура на идише, так же как традиционные, перенесенные в эмиграцию споры о будущем этого языка, а главное – его носителей, является темой сборника статей «Идиш в Веймарском Берлине. На перекрестке политики и культуры диаспоры», вышедшего в 2010 году в Лондоне под редакцией Г. Эстрайха и М. Крутикова⁶⁵.

Кроме упомянутых исследований тем или иным аспектам истории и культуры русского Берлина или биографиям отдельных представителей русско-еврейской диаспоры посвящены десятки книг и статей. Особенно повезло издателям русского Берлина; немало публикаций вышло и по истории русской эмигрантской периодической печати⁶⁶.

О русско-еврейских организациях, осуществлявших общественную, культурную и благотворительную деятельность, написано немного. Союзу русских евреев в Германии, одной из центральных организаций русско-еврейских мигрантов в Берлине, посвящена статья Е. Соломинской «Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории», опубликованная в одном из выпусков серии «Евреи в культуре русского зарубежья»⁶⁷, а также небольшие главы в упомянутых выше книгах Т. Маурер и Р. Уильямса. Русские организации взаимопомощи описываются в работе Х. – Э. Фолькмана, а также в статье А. Ушакова «Русские благотворительные организации в Германии в начале 1920-х годов» (опубликована в сборнике «Русская эмиграция в Германии 1918 – 1941»⁶⁸). Информация о деятельности еще одной крупной организации помощи русским евреям – ОРТа – содержится в монографии Л. Шапино «История ОРТ» (Нью-Йорк, 1980)⁶⁹.

В начале XXI века были проведены конференции, посвященные русскому Берлину (в Москве) и еврейской эмиграции из России в Берлин (в Берлине). По итогам конференций были изданы сборники статей. В московском сборнике «Русский Берлин, 1920 – 1945»⁷⁰, вышедшем в свет в 2006 году, опубликовано несколько статей, прямо или косвенно относящихся к нашей теме. В статье В. Хазана «Об одной вероятной полемике, или Берлинские импульсы повести В. Жаботинского “Самсон Назорей”» не только содержится литературоведческий анализ известной повести лидера сионистов-ревизионистов В.Е. Жаботинского, но обсуждаются также другие темы, в том числе дискуссия между сионистами и сменовеховцами, проблемы использования идиша и русского языка в русском Берлине. В обширной статье З.С. Бочаровой «Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг.» рассматриваются особенности юридического статуса российских эмигрантов

Deutschland vor 1933 // Ibid.

⁶³ Bechtel D. Jiddische Literatur und Kultur in Berlin im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Ibid.

⁶⁴ Eshel A. Von Kafka bis Celan: Deutsch-jüdische Schriftsteller und ihr Verhältnis zum Hebräischen und Jiddischen // Ibid.

⁶⁵ Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / Eds. G. Estraiikh, M. Krutikov London: Legenda, 2010.

⁶⁶ Левитин И. Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе: 1917 – 1967. Иерусалим; М., 2003; Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин» (издательские центры в 20 – 30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940. Кн. 1. М., 1994; Ипполитов С.С., Катаева А.Г. «Не могу оторваться от России»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000; Лысенко А.В. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919 – 1922 гг. М., 2000; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.). СПб., 2004.

⁶⁷ Соломинская Е. Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М.А. Пархомовский. Иерусалим, 2003. Т. 10.

⁶⁸ Ušakov A. Die Russischen Hilfsorganisationen in Deutschland zu Beginn der 20er Jahre // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

⁶⁹ Shapiro L. The History of ORT. New York, 1980.

⁷⁰ Русский Берлин, 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006.

в Берлине и показывается деятельность российских юристов по защите прав товарищей по изгнанию.

Работы В.В. Янца «Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932 – 1937, 1947 гг.)» и К.А. Чистякова «Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг.» посвящены особенностям жизни российских эмигрантов, в том числе евреев, в Германии в период господства национал-социалистов⁷¹.

В сборнике статей под редакцией Верены Дорн и Гертруд Пикхан «Движение и трансформация. Восточноевропейские еврей-мигранты в Берлине, 1918 – 1939»⁷² рассматриваются различные аспекты жизни русско-еврейского Берлина – от «топографии» расселения восточноевропейских евреев в мегаполисе до проблемы модернизма в литературе на идише. В основу статей положены доклады, прочитанные на одноименной конференции, состоявшейся в Берлине в октябре 2009 года. В свою очередь, конференция стала итогом международного проекта, участниками которого были и авторы этих строк⁷³.

Нетрудно заметить, что при наличии довольно обширной историографии истории русской эмиграции в Германии вообще и в Берлине в особенности, так же как ряда работ, посвященных еврейской иммиграции «с востока» в Германии, история русско-еврейской общины в Берлине изучена фрагментарно. Преобладают (что вполне объяснимо, учитывая выигрышность и «видимость» подобных сюжетов) исследования по истории культуры и биографические очерки. При этом многие ведущие исследователи справедливо подчеркивают особую роль русских евреев в деловой, общественной, политической, культурной жизни российской эмиграции в Берлине.

В настоящей работе предпринята попытка изучения прежде всего социальных аспектов жизни русских евреев в Берлине в межвоенный период. Среди задач, которые ставили перед собой авторы, – исследование социальной структуры и правового статуса русских евреев в Берлине, их повседневной жизни, взаимоотношений с немецкими евреями, роли различных благотворительных и профессиональных организаций в процессе адаптации эмигрантов к новым реалиям. Конечно, говоря об эмигрантах, нельзя обойти вопросы политики, идейных споров и дискуссий на темы недавней истории, в особенности русской революции, участия в ней евреев и ее воздействия на судьбы российского еврейства, так же как и проблемы «культуры в изгнании».

Несколько слов о географических и хронологических рамках исследования. Книга посвящена истории русско-еврейской эмиграции в Берлине – он-то и является основным «местом действия». В то же время историю русско-еврейского Берлина нельзя отрывать от истории русской эмиграции (включая ее еврейскую часть) в Германии в целом, да и в других странах. События в Мюнхене – рост нацистского движения – не могли не отзываться в Берлине, так же как берлинские события «аукались» в Дрездене и т.д. Более того, отклики на берлинскую дискуссию о евреях и русской революции появлялись, к примеру, на страницах парижской «Еврейской трибуны» и рижской «Народной мысли», причем авторами статей были обитатели Берлина.

Первоначально мы планировали ограничить наше исследование русско-еврейского Берлина 1935 годом, полагаясь на «всем известный» факт, что после прихода нацистов к власти произошел исход русских евреев из Германии. Рубежом, обозначающим конец рус-

⁷¹ Там же.

⁷² Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939 / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.

⁷³ См.: Budnitskii O. Von Berlin aus gesehen – Die Russische Revolution, die Juden und die Sowjetmacht // Transit und Transformation. S. 156 – 172; Polyan A. Productive Help in Russian-Jewish Berlin – The Union of the Russian Jews in Germany // Ibid. S. 210-217.

ско-еврейского Берлина, мы считали закрытие в 1935 году Союза русских евреев в Германии по распоряжению гестапо. Однако материалы, обнаруженные нами в архивах, свидетельствуют о том, что «еврейская жизнь» в Берлине теплилась вплоть до 1941 года, ибо далеко не все смогли или – как это ни парадоксально – хотели уехать из Германии. Таким образом, в книге прослеживается история русско-еврейского Берлина, в том числе полулегальная работа благотворительных организаций, до 1941 года.

Авторы не сочли возможным «бросить» своих героев после того, как они покинули Германию. Мы проследили передвижения и попытки обустроиться некоторых бывших берлинцев, оказавшихся во Франции, Бельгии, Ирландии, Великобритании, наконец, в США. Некоторые из них сменили по несколько стран, спасаясь от наступающих германских войск и почти неизбежной гибели.

Наше исследование основывается в значительной степени на архивных материалах, отложившихся в архивохранилищах России, Германии, Израиля, США и Великобритании.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), куда в 1946 году был передан РЗИА – Русский заграничный исторический архив (известный также как Пражский архив), хранятся материалы эмигрантских общественных организаций, личные фонды отдельных эмигрантов. Важнейшим для нашего исследования является фонд Союза русских евреев в Германии (СРЕвГ), возглавлявшегося Я.Л. Тейтелем. Фонд СРЕвГ (Р-5774) содержит 209 дел, в том числе устав Союза, его переписку с другими эмигрантскими общественными организациями и с частными лицами, прошения о материальной помощи, направленные в Союз, материалы отдельных комиссий. В фонде Союза находятся расписки в получении пособий, опросные листы, списки членов Союза, документы финансовой отчетности.

Похоже, к сожалению, что архив руководителя Союза русских евреев в Германии Я.Л. Тейтеля не сохранился, зато в нашем распоряжении имеется небольшой фонд благотворительной организации «Дети-друзья», им основанной. Организация занималась созданием детского сада, улучшением питания еврейских детей, отправкой больных детей в летние оздоровительные лагеря и т.п. (фонд Р-6407, 10 дел).

Фонд Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (Р-5890), бессменным председателем которого был известный юрист Б.Л. Гершун, содержит немало материалов, напрямую относящихся к нашей теме. Союз русской присяжной адвокатуры был профессиональной, а не национальной организацией. Однако в силу того, что подавляющее большинство членов Союза было евреями (что отражало высокую долю евреев в российской дореволюционной адвокатуре), в указанном фонде встречаются материалы, отражающие некоторые аспекты истории русских евреев в Германии. Фонд Союза русской присяжной адвокатуры в Германии содержит 99 дел, включающих документы о профессиональной деятельности членов Союза, переписку Союза с другими организациями.

Определенный интерес для нас представляют фонды Общества помощи русским гражданам в Берлине (Р-5815), возглавлявшегося В.С. Манделем.

Особый интерес представляют личные фонды. Среди них фонд присяжного поверенного Алексея Александровича Гольденвейзера, юрисконсульта СРЕвГ, члена Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, практикующего юриста, публициста и переводчика. Его личный фонд (Р-5981) содержит 180 единиц хранения – личную и деловую переписку, материалы судебных дел, черновики и рукописи статей и переводов, некоторые личные документы. Фонд Вениамина Семеновича Манделя (Р-5769, 145 единиц хранения), практикующего адвоката, владельца страхового бюро и председателя Общества помощи русским гражданам в Берлине, включает документы возглавлявшегося им Общества, а также Союза русской присяжной адвокатуры, в котором он руководил рефератной комиссией. В фонде Манделя находятся также материалы, относящиеся к дискуссии 1923 года о роли евреев в

русской революции, активным участником которой он был. Интересен также личный фонд председателя Союза русской присяжной адвокатуры Бориса Львовича Гершуна (Р-5986, 425 единиц хранения). Фонд содержит материалы по делам, которые вел Гершун, личную переписку Гершуна начиная с 1910 года, воспоминания о последних днях русской адвокатуры в Петрограде в 1917 году.

При подготовке книги мы пользовались также документами, находящимися в архивах Берлина. Наибольшее количество актуальных для нас материалов хранится в Политическом архиве МИД Германии (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes). Это официальная корреспонденция МИД Веймарской республики, в том числе дела об иммиграции евреев в Германию (фонд R 78706, R 78713), о выдаче им виз и удостоверений личности (фонды R 78679, R 78721, R 78722) и о высылке восточноевропейских мигрантов-евреев (фонд R 78705). В последнем фонде содержатся, в частности, протоколы заседаний МИД и МВД, посвященные еврейской иммиграции, материалы о проявлениях антисемитизма (R 78704).

В фонде М. Зобернхайма, профессора-семитолога, который в 1918 году был приглашен руководителями МИД организовать комиссию по делам еврейских мигрантов, находятся документы Международной еврейской конференции 1927 года (R 78729) и доклад Зобернхайма о проблемах «остьюден в Германии» (1918, R 78731). Сведения о русских военнопленных и интернированных, среди которых были и евреи, можно найти в фондах R 83810 – R 83820. Самый поздний по времени фонд (R 84333) из тех, к которым мы обращались в Политическом архиве МИД, относится к эпохе Третьего рейха (1933 – 1936) и входит в группу фондов, посвященных отношениям Германии и СССР. Фонд содержит документы относительно русских евреев. В нем, в частности, хранится переписка МИД и гестапо, результатом которой стало принятие решения о принудительном закрытии Союза русских евреев в Германии.

В Еврейском архиве при Новой синагоге Берлина (Centrum Judaicum Archiv) находятся несколько документов Союза русских евреев в Германии, в том числе отчет о деятельности Союза за 1920 – 1928 годы. Здесь же нами обнаружено воззвание к еврейским общинам Германии, подписанное Я.Л. Тейтелем, С.М. Дубновым и членами раввинской комиссии (фонд 1, 75 A Stu 1, Nr. 9, Ident. – Nr. 8513).

Ценными документами располагает архив Еврейского музея Берлина: в нем находится архивная коллекция ОРТ, один номер берлинского сионистского еженедельника «Рассвет», выходившего под редакцией В.Е. Жаботинского, на немецком языке. Журнал выходил в Берлине в 1922 – 1924 годах на русском языке, в немецком варианте вышел всего один выпуск. Здесь же хранится важный источник по проблеме восприятия восточноевропейских евреев частью их немецких соплеменников – микрофильм подшивки газеты «Der nationaldeutsche Jude», печатного органа Союза евреев – немецких националистов (шифр – XI Natio 104; В 307).

Мы пользовались также материалами Центрального архива еврейской истории в Иерусалиме (Ha-arkhiyon ha-merkazi le-toldot ha-‘am ha-yehudi, Yeruslayim). Это фонд Благотворительного союза немецких евреев (M2/1/f), переписка А. Эйнштейна и Ю.Д. Бруцкуса (Inv. 1204). Интерес представляют также материалы Общества по развитию литературы на идише и иврите среди русских военнопленных под протекторатом Испании (Inv. 149): Общество переписывалось с военнопленными в немецких лагерях и высылало требуемые книги и газеты: священные тексты, художественную литературу, учебники иврита, литературу о сионизме и по естественным наукам.

Некоторые материалы, относящиеся к теме нашего исследования, находятся в британских архивах. В рукописном отделе Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета хранятся бумаги адвоката Б.И. Элькина, жившего в Берлине в 1919 – 1933 годах. Особый интерес представляет его переписка с А.А. Гольденвейзером и М.А. Алдановым. Некото-

рые материалы, относящиеся к политической деятельности Элькина в период Гражданской войны, находятся в Русском архиве в Лидсе.

Особое значение для изучения истории русских евреев в нацистской Германии, так же как реэмиграции и последующих скитаний по миру многих из них, имеет колоссальное собрание А.А. Гольденвейзера, находящееся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк, США). Бумаги Гольденвейзера хранятся в 114 коробках. Среди материалов, отложившихся в его фонде, — исследования по истории и юридическому положению эмигрантов, черновики статей, материалы, относящиеся к деятельности различных эмигрантских организаций как в Европе, так и в США. Важнейшее значение для нашего проекта имеет обширная переписка Гольденвейзера, содержащая уникальные сведения о жизни российских эмигрантов в 1930-е и начале 1940-х годов. Среди его корреспондентов — видные общественные деятели русско-еврейского Берлина, юристы, литераторы, редакторы различных эмигрантских изданий, ученые, «простые» эмигранты, стремящиеся выбраться из нацистской Германии, и другие. В числе корреспондентов Гольденвейзера — писатель М.А. Алданов, редактор «Руля» И.В. Гессен, «звезда» русской адвокатуры О.О. Грузенберг, адвокат Б.Л. Гершун, социолог Г.Д. Гурвич, адвокат Л.М. Зайцев, адвокат и литературный критик М.Л. Кантор, публицист и философ Г.А. Ландау, В.В. и В.Е. Набоковы, Я.Л. Тейтель, видный деятель различных еврейских организаций Я.Г. Фрумкин, адвокат и публицист Б.И. Элькин и многие, многие другие.

Незаменимым источником по истории русско-еврейского Берлина являются материалы периодической печати. Мы использовали еврейские газеты на немецком языке, где некоторое внимание уделяется и проблемам иммигрантов-единоверцев из Восточной Европы: «Jüdische Rundschau», «Israelitisches Familienblatt», «Jüdisch-liberale Zeitung». Сродни немецко-еврейским газетам, содержащим сведения как о восточноевропейских мигрантах, так и об отношении к ним немецких евреев, публицистические произведения немецко-еврейских авторов, посвященные исследуемой проблеме: к примеру, статья Лео Винца «Восточноеврейский вопрос» («Die Ostjudenfrage»), опубликованная в журнале «Ost und West» (№ 16 за 1916 год), или статья П. Натана «Восточноевропейские евреи и антисемитская реакция», опубликованная в альманахе «Zeit- und Streitfragen». О том, какое значение придавали последней публикации в Союзе русских евреев в Германии, свидетельствует тот факт, что она была переведена на русский язык как бы для «служебного пользования». Анонимный перевод статьи без указания авторства и названия обнаружен нами в фонде Союза русских евреев в ГАРФ⁷⁴.

На страницах русских берлинских газет часто освещались события еврейской жизни, тем паче что среди авторов и редакторов большинства из них было немало этнических евреев. Это прежде всего «Руль» (1920 – 1931), крупнейшая газета русской эмиграции в Берлине и последняя русскоязычная газета, выходившая в Берлине до прихода к власти нацистов «Наш век» (1931 – 1933). В Берлине в 1922 – 1924 годах, до переезда в Париж, выходила сионистская газета «Рассвет» под редакцией Ш. Гепштейна, а затем де-факто — лидера сионистов-ревизионистов, писателя, переводчика и публициста В.Е. Жаботинского.

События русско-еврейской жизни в Берлине находили отражение на страницах русскоязычных изданий, выходивших в других странах, как на страницах еврейских изданий на русском языке — парижской «Еврейской трибуны» или рижской «Народной мысли», так и в общей периодике — парижских «Последних новостях», рижской «Сегодня», нью-йоркском «Новом русском слове» и других.

⁷⁴ Этот текст опубликован нами. См.: Натан П. Восточные евреи в Германии и антисемитская реакция / Вступит. ст. О.В. Будницкого и А.Л. Полян; подготовка текста и комментарии А.Л. Полян // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 5. С. 247 – 263.

Среди использованных нами источников – литературные, публицистические и научные сочинения представителей русско-еврейской эмиграции. В Берлине вышел литературный альманах «Сафрут»⁷⁵, который в буквальном смысле слова был русско-еврейским, включая тексты не только Х.Н. Бялика, С. Черниховского и С.М. Дубнова, но и В.Я. Брюсова и И.А. Бунина. Любопытно, что среди авторов сборника был будущий любимый поэт советских детей С.Я. Маршак. Сборник в какой-то степени отражал ситуацию неопределенности начала 1920-х годов: среди авторов эмигранты и писатели, живущие в Советской России, непроходимая стена еще не возведена, еще как будто есть шанс на возвращение/примирение – как и на отъезд.

«Между двумя мирами» существовали И.Г. Эренбург и Эль Лисицкий, обладатели советских паспортов, издававшие в Берлине конструктивистский журнал «Вещь» (1922 – 1923). Еврейская тема становится весьма заметной в книгах Эренбурга 1920-х годов – вышедшем в Берлине романе «Хулио Хуренито» (1922), в книге «Шесть повестей о легких концах» (1922), в более позднем романе «Бурная жизнь Лазики Ройтшванца» (1928) и некоторых других. Выразительный образ Берлина 1920-х годов создан в публицистической книге Эренбурга «Виза времени» (1929). Русско-еврейская проблематика затрагивается в знаменитом берлинском эпистолярном романе В.Б. Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923). Эти и другие художественные или полухудожественные, полупублицистические тексты являются не только источниками по истории культуры русского Берлина. Они замечательно воссоздают атмосферу, стиль эпохи, которые не всегда можно уловить в документах.

Важный архивный материал по истории литературы российской диаспоры в Берлине введен в научный оборот благодаря книге Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз «Русский Берлин, 1921 – 1923» (Париж, 1983). В книге опубликована, с образцовыми комментариями, переписка редакции берлинского журнала «Русская книга» (затем – «Новая русская книга»), сохранившаяся в огромном собрании Б.И. Николаевского, находящемся ныне в архиве Гуверовского института (Стэнфордский университет, Калифорния).

Число публицистических, исторических, философских, юридических, педагогических работ, вышедших в Берлине в изучаемый период, столь велико, что одно их перечисление заняло бы не один десяток страниц. Не говоря уже о работах, вышедших в других городах и странах, ставших предметами дискуссий в русско-еврейском Берлине. Так, много шума наделал сборник, составленный из докладов, прочитанных в Берлине членами Отечественного объединения русских евреев – И.М. Бикерманом, Г.А. Ландау, Д.С. Пасмаником и др., – «Россия и евреи» (Берлин, 1924). Полемике вокруг этого сборника будет уделено немало места в нашей книге. Сборнику в некотором смысле предшествовала книга одного из активных участников полемики Д.С. Пасманика «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)», вышедшая в Париже в 1923 году.

Для понимания историософских взглядов одного из видных деятелей русско-еврейского Берлина А.А. Гольденвейзера важна выпущенная им небольшая книжка «Большевики и якобинцы (психологические параллели)» (Берлин, 1922)⁷⁶. Деятельность тейтелевской организации «Дети-друзья» затрагивается в одноименной брошюре Фишля Шнеерсона⁷⁷. В

⁷⁵ Сафрут: Литературно-художественный сборник / Ред. Л.Б. Яффе. Берлин: Издательство С.Д. Зальцман [1922]. Востребованность еврейской литературы на русском языке в эмигрантской среде в определенной степени доказывает еще одно берлинское издание начала 1920-х годов: Еврейский сборник. Берлин: Русское Универсальное издательство, 1921 (Всемирный пантеон № 24 – 25).

⁷⁶ Наиболее полный сборник работ А.А. Гольденвейзера «В защиту права. Статьи и речи» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952) вышел уже в другую эпоху и в другой стране. Однако же он включает статьи и доклады, некогда написанные и прочитанные в Берлине.

⁷⁷ Дети-друзья (новые пути социального воспитания). Доклад, прочитанный на открытом собрании общества «Дети-друзья». Берлин: Изд-во общества «Дети-друзья», 1924.

Берлине работали и публиковали свои работы на русском, немецком, идише экономисты Я.Д. Лещинский и Б.Д. Бруцкус, историки С.М. Дубнов, Н. Гергель, И.Б. Шехтман, И.М. Чериковер, юристы Б.Л. Гершун и И.М. Рабинович⁷⁸ и многие другие. Ссылки на соответствующие работы будут даны в тексте монографии.

Разумеется, мы использовали мемуары обитателей русского Берлина. Иногда они достаточно обширны, иногда фрагментарны. Пожалуй, на первое место в списке воспоминаний о русском Берлине, включая ее еврейскую составляющую, следует поставить мемуары И.В. Гессена «Годы изгнания. Жизненный отчет», вышедшие посмертно в Париже в 1979 году, «Книгу жизни» С.М. Дубнова⁷⁹ (лучшим изданием, бесспорно, является третье, подготовленное и прокомментированное В.Е. Кельнером: М.; Иерусалим, 2004) и «Я унес Россию. Апология эмиграции» писателя, редактора одного из отделов журнала «Новая русская книга» Р.Б. Гуля. Первый том книги Гуля озаглавлен «Россия в Германии». Несмотря на то что его текст написан относительно поздно (в конце 1970-х годов; первый том вышел в Нью-Йорке в 1981 году) и не свободен от ошибок, он дает широкую и в целом достоверную (при всех поправках на субъективизм мемуариста) панораму жизни русского Берлина⁸⁰.

О русском Берлине писал в своих неоднократно переиздававшихся мемуарах «Люди. Годы. Жизнь» И.Г. Эренбург. Картина русско-еврейского Берлина и живописные портреты его обитателей воссозданы в воспоминаниях А.В. Бахраха (журналиста, секретаря берлинского Клуба писателей в 1922 – 1923 годах, в конце жизни – редактора русского отдела радио «Свобода») «По памяти, по записям» (Париж, 1980); интерес представляют берлинские зарисовки Н. Набокова (племянника В.Д. Набокова) «БАГАЖ: Воспоминания русского космополита» (Нью-Йорк, 1975)⁸¹. Конечно, мы не могли не обратиться к воспоминаниям Я.Л. Тейтеля, посвященным российскому периоду его жизни⁸². Эти воспоминания позволяют понять личность председателя Союза русских евреев в Германии, наложившую отпечаток на деятельность Союза и заметно влиявшую на атмосферу русско-еврейского Берлина. По существу мемуарный характер носят некоторые тексты, включенные в сборник к 80-летию юбилею Тейтеля, праздновавшемуся и в русском Берлине, и в русском Париже⁸³. Это же можно отнести к биографическому очерку А.А. Гольденвейзера о Тейтеле, опубликованному в сборнике «Еврейский мир» в 1944 году и включающему личные воспоминания⁸⁴.

Перечень мемуарных текстов, посвященных русскому Берлину, можно легко продолжить.

Авторы настоящей книги надеются, что благодаря использованию разнообразных источников, как опубликованных, так и преимущественно находящихся в различных архивах и впервые вводимых в научный оборот, им удалось воссоздать картину жизни русско-еврейского Берлина. Если не исчерпывающую, то отражающую ее основные черты. Конечно, это было бы невозможно без исследований предшественников (краткий обзор которых дан выше), на которые мы опирались в своей работе. Насколько нам удалось достичь поставленных целей – судить читателям.

⁷⁸ И.М. Рабинович составил ценный юридический справочник «Русские в Германии» (Берлин: Слово, 1921).

⁷⁹ В отличие от других воспоминаний, текст Дубнова основан на дневниковых записях, что делает его наиболее точным. Не говоря уже о его релевантности теме нашего исследования.

⁸⁰ Мы пользовались лучшим, на наш взгляд, изданием воспоминаний Гуля: Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. Россия в Германии. М.: Б.С.Г. – пресс, 2001. Это издание сопровождается весьма полезной аналитической статьей О. Коростелева и им же составленным указателем имен.

⁸¹ Nabokov N. BAGAZH: Memoirs of a Russian Cosmopolitan. New York, 1975.

⁸² Тейтель Я.Л. Из моей жизни. За сорок лет. Париж: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1925.

⁸³ Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. 1851 – 1931. Париж; Берлин: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1931.

⁸⁴ Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель (1859 – 1939) // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2001. С. 305 – 327.

Некоторые фрагменты исследования публиковались на страницах научной периодики⁸⁵. В настоящее издание они включены в существенно дополненном и переработанном виде.

В заключение считаем приятной обязанностью выразить признательность тем людям и организациям, без поддержки которых этот проект не мог бы быть завершен.

Подготовка настоящей работы стала возможной благодаря щедрой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Немецкого национального фонда научных исследований. Это дало возможность провести исследования в архивах и библиотеках зарубежных стран, прежде всего Германии, США и Израиля, где, как и положено в случае с эмигрантами, отложилась значительная часть их бумаг. Обнаруженные материалы позволили во многом по-новому взглянуть на историю русско-еврейской эмиграции в Берлине. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность нашим германским коллегам: профессору Гертруд Пикхан, доктору Верене Дорн и Анне-Кристин Засс, которые оказали авторам всемерную поддержку во время исследовательской работы в берлинских архивах и библиотеках. Неизменная признательность – куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой, как всегда проявившей доброжелательность и всячески содействовавшей реализации проекта. Мы благодарны также д.и.н. В.Е. Кельнеру и к.и.н. М.Д. Долбилову, взявших на себя труд прочесть рукопись и высказавших полезные замечания.

⁸⁵ Будницкий О.В. Из истории «русско-еврейского Берлина»: А.А. Гольденвейзер // Архив еврейской истории. Т. 2. М., 2005. С. 213 – 242; *Он же*. Русские евреи в нацистской Германии (1933 – 1941) // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 283 – 316.

Глава 1

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС

Первая мировая война и послевоенные события в Восточной Европе обернулись для евреев беспрецедентными потрясениями. Сотни тысяч евреев были депортированы российскими военными властями из прифронтовой полосы, проходившей по территории Черты оседлости, во внутренние губернии; депортации нередко сопровождалась погромами⁸⁶. Чередой погромов обернулась для евреев и Гражданская война⁸⁷. Военные и революционные события, а также политика «военного коммунизма» вызвали разрушение экономической жизни еврейских общин. Все это привело к массовым миграциям евреев – как на восток, так и на запад. Эти миграции сопровождалась демографическими, социальными и экономическими трансформациями, которые коренным образом изменили облик еврейской общины. Одним из результатов стало то, что сотни тысяч восточноевропейских евреев оказались в странах Западной Европы и Америки⁸⁸.

В 1920-е годы Германия стала одним из крупнейших центров русской эмиграции: в стране насчитывалось до 600 тысяч человек, приехавших из России. Эмигранты ехали в основном не «куда», а «откуда», т.е. причины, побудившие их уехать, заключались не в привлекательности страны назначения, а в невозможности оставаться на родине: бежали

⁸⁶ По подсчетам М. Альтшулера, за время войны было депортировано и выселено 500 – 600 тысяч евреев (*Altshuler M. Russia and her Jews. The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973. Vol. 27. No. 30/31. P. 14*). Дж. Френкель считает, что это число достигло 1 миллиона уже к концу 1915 года (*Studies in Contemporary Jewry: An Annual 4: The Jews and the European Crisis, 1914 – 1921 / J. Frankel, ed. Bloomington, 1988. P. 6*). См. также подготовленную М.М. Винавером, Д.О. Заславским и Г.М. Эрлихом публикацию: «Из “черной книги” российского еврейства. Материалы для истории войны 1914 – 1915 гг.» (Еврейская старина. 1918. Т. 10. С. 195 – 296). Новейшие работы на эту тему: *Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001 (July). Vol. 60. P. 404 – 419; Idem. Nationalizing the Russian Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 137 – 145* [рус. пер.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012]; Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. 2003. № 8 (26). С. 245 – 268; Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85 – 96; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005. С. 286 – 304.

⁸⁷ Историки расходятся во мнениях относительно числа жертв погромов, наиболее кровавые из которых произошли на Украине в 1919 – начале 1920 года. Приводимые в литературе данные варьируются от 50 – 60 до 200 тысяч убитых и умерших от ран. С. Бэрон считал, что число жертв «легко» превысит 50 тысяч: *Baron S. The Russian Jew Under Tsars and Soviets. 2nd ed. New York, 1976. P. 184*; Нора Левин называет цифру 50 – 60 тысяч жертв: *Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. New York; L., 1988. Vol. 1. P. 49*; Ш. Эттингер – 75 тысяч: *A History of the Jewish People / H.H. Ben-Sasson, ed. Cambridge, Mass., 1976. P. 954*; Н. Гергель (*Gergel N. The pogroms in the Ukraine in 1918 – 1921 // YIVO Annual of Jewish Social Science. 1951. Vol. 6. P. 251*) и С. Гусев-Оренбургский в «Книге о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Пг., б.г. С. 14) говорят о 100 тысячах жертв. Цифру в 200 тысяч приводит Ю. Ларин в книге «Евреи и антисемитизм в СССР» (М.; Л., 1929. С. 55). По мнению Ц. Гительмана, были убиты около 30 тысяч евреев, общее же число жертв, включая умерших от ран и болезней, связанных с погромами, достигает 150 тысяч человек (см.: *Gitelman Z. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. 2nd ed. Bloomington, 2001. P. 70*). О. Файджес считает наиболее достоверными данные, приведенные в отчетах еврейских организаций в Советской России, расследовавших последствия погромов, – более чем 150 тысяч погибших: *Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891 – 1924. New York, 1998. P. 855* (см.: ГАРФ. Ф. 6764. Оп. 1. Д. 775. Л. 3 – 4). Подробнее о погромах эпохи Гражданской войны см.: Будницкий О.В. Российские евреи. С. 275 – 343.

⁸⁸ Точная численность евреев, эмигрировавших в 1918 – 1922 годах из советских республик, неизвестна. По принятым в научной литературе оценкам, она составила «более двухсот тысяч» человек (Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. Стлб. 294). Исходя из этих расчетов, евреи составляли вторую по численности этноконфессиональную группу в составе первой волны эмиграции после русских (точнее, православных). Численность первой волны русской эмиграции оценивается в литературе, как правило, в 1,5 – 2 миллиона человек.

от Гражданской войны, от власти большевиков, от погромов. Однако относительная популярность Германии среди других направлений эмиграции тоже заслуживает своего объяснения. Основных причин такой популярности три: географическая близость к России, сравнительно мягкий визовый режим и дешевизна жизни.

Благодаря этим трем обстоятельствам в Германию, несмотря на политическую нестабильность, в начале 1920-х годов происходил приток русских эмигрантов как с востока, так и с запада – из других западноевропейских стран. Самое большое число русских отмечалось в 1922 – 1923 годах. Однако по порядку.

Русская «колония» сформировалась в Берлине еще в начале XX века. По утверждению одной из российских газет, летом, в разгар сезона, «десятки тысяч» русских туристов «наполняли» улицы Берлина⁸⁹.

В 1913 году немецкая газета «Москауер дойче цайтунг», выходившая в Москве, сообщала о «русских в Берлине». По данным газеты, в Берлине существовал кружок при посольской церкви во главе с протоиереем А. Мальцевым; кроме того, упоминалась «небольшая студенческая корпорация русских студентов ультра-консервативного направления». Наибольшую по численности группу, однако, по оценкам газеты, составляли эмигранты, приехавшие в Германию в 1905 – 1908 годах. Это «студенты, учащиеся музыкальных училищ, корреспонденты различных газет», объединившиеся в «Русский литературно-художественный кружок» – «единственный союз русских Берлина».

По подсчетам «Москауер дойче цайтунг», «три четверти живущих в Берлине русских – евреи». В Берлине, по утверждению корреспондента газеты, преобладает мнение, что «тот, кто говорит и думает по-русски, – русский». Берлинцы считали русскими и немцев, приехавших из России⁹⁰. И, кстати, не без оснований: согласно всероссийской переписи 1897 года, немцы занимали первое место в стране по знанию русской грамоты. Вслед за ними шли евреи.

Миграции восточноевропейских (и в том числе российских) евреев в Германию происходили в несколько этапов. Накануне Первой мировой войны в Германии проживало около 48 тысяч восточноевропейских евреев⁹¹. Эта группа не была однородной: она включала как рабочих – жителей местечек, бежавших от нищеты и погромов начала XX столетия (пик еврейских погромов пришелся на революционные 1905 – 1906 годы), так и существенно более состоятельных людей. Среди них были студенты, приехавшие учиться в немецкие университеты, где, в отличие от российских университетов, прием евреев не был ограничен процентной нормой; предприниматели, осуществлявшие торговые связи между Германией и Восточной Европой, а также люди, приехавшие в Германию для лечения или отдыха.

Назвать российских евреев, обосновавшихся или проводивших длительное время в Германии, общиной в начале XX века было вряд ли возможно: у «верхов» и «низов» не было общих интересов, да и вообще точек соприкосновения.

Немцы впервые заговорили о чрезмерном наплыве восточноевропейских евреев еще в конце XIX века. Первое диссертационное исследование, посвященное статистике иммиграции евреев из Восточной Европы, – работа Клары Эшельбахер, защищенная в Берлине в 1920 году, – отражает именно такой взгляд. По мнению автора, еврейское население Пруссии сильно увеличилось за счет мигрантов⁹². Однако до войны местное еврейское население заметно превосходило мигрантов по численности: восточноевропейские евреи составляли

⁸⁹ Раннее утро. М., 1910. 17 авг.

⁹⁰ Москауер дойче цайтунг. 1913. № 36. 13/26 февр. Цит. по: Кратц Г. Битов, Бунин и Берлин // Русский Берлин/Russische das Berlin 1918 – 1941: Издание к выставке «Русский Берлин, 1918 – 1941» в Государственном историческом музее 13 – 27 мая 2002 года. Б.м., б.г. С. 22 – 23.

⁹¹ Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959. S. 21.

⁹² Eschelbacher K. Die ostjüdische Einwanderungbevölkerung der Stadt Berlin. Ph. Diss. Berlin, 1920. S. 3 – 6.

19,1 % всего еврейства Германии⁹³. Из них русские евреи составляли порядка одной трети (остальные имели австро-венгерское или иное подданство).

Чужаками мигранты казались и местным, немецким евреям. С.М. Дубнов указывал на символизм «новой исторической встречи восточных и западных ашкеназов»: «...из Германии бежали в XIV в. в Польшу от черной смерти, теперь из России бегут в Германию от красной смерти, а в самой Германии катится черно-красная волна нацистов и коммунистов...»⁹⁴

Впечатление об иммиграции как о невероятно сильном наплыве чужаков объясняется, кроме тенденции преувеличить их число, — черты, свойственной народному сознанию, — следующими обстоятельствами. Во-первых, восточноевропейские евреи концентрировались в крупных городах, и там их присутствие было весьма заметно⁹⁵. Во-вторых, одновременно с иммиграцией восточноевропейских евреев происходил сопоставимый по интенсивности процесс эмиграции немецких евреев в Америку. Таким образом, увеличение общего числа евреев Германии практически не выходило за рамки естественного прироста населения, но при этом состав еврейской общины страны менялся, и приток восточноевропейских иммигрантов на фоне оттока немецких евреев казался более интенсивным и менее желательным⁹⁶.

В ходе Первой мировой войны изменился и характер русско-еврейской иммигрантской общины. С началом войны многие граждане России, в том числе русские евреи, были интернированы. Место интернированных заняли другие группы русско-еврейских мигрантов, которые были также переселены насильно (но не на восток, а на запад): военнопленные и рабочие, депортированные в Германию из оккупированных районов. Число таких евреев-рабочих оценивается в 30 тысяч⁹⁷. Русских военнопленных было примерно 1 200 000 человек, сколько из них евреев, не установлено, но евреи считаются одной из заметных этнических групп в их составе⁹⁸.

После войны произошла еще одна ротация состава русско-еврейской эмиграции в Германии. В первые послевоенные годы отмечается приток рабочих, оцениваемый в 70 – 75 тысяч человек: восточноевропейские евреи, спасаясь от погромов и голода, бежали на запад. Там они обеспечивали себя преимущественно неквалифицированным физическим трудом. Из 100 тысяч рабочих (еще 30 тысяч, как отмечено выше, иммигрировали в Германию во время войны) порядка 47 тысяч покинули страну в первые послевоенные годы⁹⁹. Таким образом, в 1920 году в Германии оставалось около 55 тысяч рабочих – восточноевропейских евреев, большинство из которых, видимо, приехали уже после войны¹⁰⁰.

Кроме миграций рабочих происходила постоянная репатриация военнопленных. Транспортировка бывших русских военнопленных была существенно затруднена отказом Советской России принимать их и в ряде случаев отказом самих военнопленных покидать

⁹³ *Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800 – 1923. Madison, Wisconsin, 1982. P. 300, n. 63.

⁹⁴ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. М.; Иерусалим, 2004. С. 583.

⁹⁵ Там же. Однако масштабы этой концентрации не следует преувеличивать: согласно статистическому справочнику Х. Зильберглайта, в 1925 году в Берлине евреи-иностранцы составляли лишь 1,09 % всего населения города: *Silbergleit H.* Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich. Berlin, 1930. S. 25.

⁹⁶ *Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. P. 23.

⁹⁷ Ibid. P. 121; PAAA. R 78705. Denkschrift über die Ein- und Auswanderung nach bzw. aus Deutschland in den Jahren 1910 bis 1920. Der Reichsminister des Innern. V 1641 B. S. 19.

⁹⁸ См. подробнее: *Baur J.* Zwischen «Roten» und «Weißen» – Russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

⁹⁹ *Adler-Rudel Sh.* Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 120; *Williams R.C.* Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany. 1881 – 1941. Ithaca; London, 1972. P. 154; PAAA. R 78705. Denkschrift über die Ein- und Auswanderung nach bzw. aus Deutschland in den Jahren 1910 bis 1920. Der Reichsminister des Innern. V 1641 B. S. 8 – 9; ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 114. Л. 8 – 9.

¹⁰⁰ *Adler-Rudel Sh.* Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940; *Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. P. 231.

Германию. Однако немецкое командование все равно высылало их, поскольку содержание военнопленных обходилось стране слишком дорого¹⁰¹. К 1920 году еврейских военнопленных осталось 60 – 70 тысяч¹⁰², в 1921 – 1922 годах репатриация еще продолжалась¹⁰³.

Данные по статистике вновь прибывших часто противоречивы. Государственной статистике в этом отношении доверять не следует: она составлялась по данным Центрального управления полиции (Polizeipräsidium) и потому учитывает только тех беженцев, которые зарегистрировались в полицейских участках.

Тысячи беженцев, жилищная ситуация и состояние документов которых не удовлетворяли правилам проживания иностранцев в Германии, не проходили регистрацию, боясь высылки или какого-либо иного наказания, и потому оставались за рамками официальных данных. Так, в январе 1923 года при обсуждении в Министерстве иностранных дел меморандума об иммигрантах из стран Восточной Европы были приведены две версии: версия Центрального управления полиции, согласно которой по состоянию на 3 июня 1922 года в Берлине находилось 56 тысяч мигрантов из восточноевропейских стран; согласно другой версии – 200 тысяч. Источник второй версии не указан, однако именно она принимается участниками обсуждения с большим доверием¹⁰⁴.

С другой стороны, статистика, которую составляли сами русские эмигранты, тоже оказывается недостоверной. По словам историка русской эмиграции Х. – Э. Фолькмана, русские беженцы старались завысить свою численность, «чтобы в глазах мирового сообщества выглядеть полноправным представителем угнетенного русского народа. Так, согласно эмигрантской статистике, в Германии в 1925 году находились 500 000 беженцев из России»¹⁰⁵.

Данные о численности евреев среди эмигрантов из России тоже могут быть недостоверными. Современники-немцы представляли себе переселение в Германию восточноевропейских евреев (казавшихся чужаками, нахлебниками и конкурентами в борьбе за рабочие места и жилье) как гораздо более массовую миграцию, чем это было на самом деле¹⁰⁶. Это же представление тяготело и над рядом публицистов и политических деятелей, которые доказывали, что восточноевропейские евреи наводнили Германию. Цифры, которые приводят еврейские авторы-современники – защитники восточноевропейских евреев, – оказываются, напротив, заниженными: эти авторы пытаются представить мигрантов незначительной по численности группой, которая не может причинить вред немецкому обществу и экономике Германии¹⁰⁷.

¹⁰¹ Baur J. Zwischen «Roten» und «Weißen». S. 98.

¹⁰² Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 89.

¹⁰³ Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919 – 1929. Würzburg, 1966. S. 30; PAAA. R 83813, R 83814, R 83815, R 83816, R 83817, R 83818, R 83819, R 83820. См. также: Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 217 – 218.

¹⁰⁴ PAAA. R 78705. L 348515. Аналогичный пример сопоставления оценок МВД и эмигрантских организаций см. у Фолькмана (Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 5): по данным МВД, в Германии в 1921 году находилось от 50 000 до 80 000 беженцев, по данным эмигрантских организаций – 230 000 – 250 000.

¹⁰⁵ Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 6.

¹⁰⁶ Aschheim S.E. Brothers and Strangers. P. 231.

¹⁰⁷ См., например: PAAA. R 84333. L 364547-50. Показательна в этом отношении статья «Восточноевропейские евреи и антисемитская реакция», написанная Паулем Натаном, известным общественным деятелем, филантропом и публицистом, содиректором Благотворительного союза немецких евреев и покровителем восточноевропейских евреев. Статья написана в 1922 году в качестве ответа на запрос одного из лидеров DNVP (Deutschnationale Volkspartei, Немецкая национальная народная партия), одной из ультраправых партий, требовавшей запретить въезд восточноевропейских евреев в страну и выслать как можно большую их часть. В запросе данные по еврейской иммиграции завышены, «чтоб таким образом создать, хотя бы видимость основания для реакционного антисемитского утверждения, что современная Германия “наводнена восточными евреями”» (ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 114. Л. 7). Данные, которые приводит сам Натан (в Германии в 1921 – 1922 годах насчитывалось не более 55 000 евреев), соответствуют статистике Бюро попечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt), однако являются заниженными, поскольку учитывают лишь евреев-рабочих, обращавшихся в Arbeiterfürsorgeamt (PAAA. R 78705. Denkschrift über die Ein- und Auswanderung nach bzw. aus Deutschland in den Jahren 1910 bis 1920. Der Reichsminister

Источники достоверных данных таковы: статистика благотворительных организаций и – в отношении евреев – статистические службы Еврейского исследовательского института (YIVO) и американского Национального бюро экономических исследований (NBER). В Германии достоверной (хотя и неполной) считалась статистика Бюро попечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt) – благотворительной организации, созданной как организация помощи депортированным в годы войны рабочим-евреям. Именно на эту статистику опирается МВД Германии¹⁰⁸. Большинство исследователей принимает статистические данные о численности русских в Германии, приведенные в работе Х. – Э. Фолькмана «Русская эмиграция в Германии, 1919 – 1929»¹⁰⁹.

Итак, динамика численности русской эмиграции выглядит следующим образом. В мае 1919 года на территории Германии, по данным Немецко-русского общества содействия двусторонним торговым отношениям, находилось 60 – 80 тысяч русских. К осени того же года их число возросло до 100 тысяч (по данным Русской делегации по делам военнопленных и репатриантов). Численность русской эмигрантской общины достигла апогея в конце 1920 года – 560 тысяч человек (данные американского Красного Креста). В начале 1921 года в связи с оттоком части эмигрантов во Францию и в Америку и возобновлением репатриации военнопленных число русских в Германии снова сокращается и к весне достигает 300 тысяч (из которых 100 тысяч находятся в Берлине), а к началу следующего года – 230 – 250 тысяч. За этим снижением снова следует рост численности русской иммиграции. Пик этого роста приходится на 1923 год – год экономического кризиса в Германии, сопровождавшегося гиперинфляцией.

Страна

Турция

Балканские страны

Греция

Румыния

Югославия

Болгария

Всего

Польша и страны Балтии

Эстония

Финляндия

Гиперинфляция впервые в XX столетии поразила европейскую страну¹¹⁰. За четыре месяца, с июля по ноябрь 1923 года, денежная масса выросла в 132 тысячи раз, уровень цен – в 854 тысячи раз, курс доллара – почти в 400 тысяч раз. Так, цена месячной подписки на «Руль», наиболее популярную русскую газету Берлина, составлявшая в июле 1923 года 100 тысяч марок, в сентябре достигла 30 миллионов, а уже в декабре один номер продавался за 200 миллиардов марок. За три месяца, прошедшие между первым свиданием Веры Слоним с Владимиром Набоковым и их новой встречей, цена трамвайного билета из «русского» предместья Берлина до центра города выросла в 700 раз и исчислялась миллионами марок. Таким образом, обладатели твердой валюты, хотя бы в незначительном количестве, могли

des Innern. V 1641 B. S. 8 – 9).

¹⁰⁸ PAAA. R 78705. L 348519-21; *Adler-Rudel Sh.* Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 121.

¹⁰⁹ На данные, приведенные Фолькманом, опираются Р. Уильямс и К. Шлөгель: *Williams R.C.* Culture in Exile. P. 111; *Schlögel K.* Berlin: «Stiefmutter unter der russischen Städten» // *Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941* / Hrsg. K. Schlögel. München: Beck, 1994.

¹¹⁰ Гиперинфляцию пережила и Советская Россия, но это был особый случай, в значительной степени следствие коммунистических экспериментов в области товарно-денежных отношений.

существовать в Германии сравнительно неплохо, даже при цене буханки ржаного хлеба в 430 миллиардов марок, а килограмма сливочного масла – в 6 триллионов¹¹¹.

Латвия	
Литва	
Гданьск	
Польша	
Всего	
Центральная Европа	
Австрия	
Венгрия	
Чехословакия	
Германия	
Всего	
1922	
35 000	
3 000	
35 000	
34 000	
31 000	
138 000	
15 000	
20 000	
16 000	
4 000	
—	
175 000	
230 000	
4 000	
3 000	
5 000	
250 000	
262 000	
1930	
1 400	
13 000	
30 000	
22 000	
—	
68 400	
11 000	
10 000	
16 000	
5 000	
—	
85 000	
127 000	

¹¹¹ <http://www.globfin.ru/articles/crisis/hyperinf.htm> (Гиперинфляция // Портфельный инвестор. 2008. № 11. С. 122 – 128);
Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков): Биография. М.: Изд-во «Независимая газета», 2002. С. 21.

3 000
5 000
15 000
90 000
113 000
1937
1 200
2 200
11 000
27 500
15 700
57 600
5 300
8 000
13 000
5 000
—
80 000
111 000
2 500
4 000
9 000
45 000
60 500
Франция
Другие страны Западной Европы
Бельгия
Великобритания
Италия
Скандинавия
Швейцария
Другие
Всего
Дальний Восток
Всего

И.В. Гессен однажды погасил 75-миллионный долг за ремонт центрального отопления в квартире пятьюдесятью американскими центами¹¹². Необыкновенная дешевизна жизни для

¹¹² Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Paris: YMCA-press, 1979. С. 110 – 111. Приведем полностью красочное описание Гессеном нескольких забавных эпизодов времен гиперинфляции. Гессен устанавливал в доме радиаторное отопление. «Смета была определена в 11 000 000 марок (8 000 000 на покупку труб и печи и 3 000 000 на оплату рабочих), которые я занял у знакомого банкира. Трубы и печь были немедленно куплены, а три миллиона, предназначенные на плату рабочим, выросли в течение месяца в 60 с чем-то миллионов. Когда же, спустя некоторое время банк уведомил, что мой долг составляет 75 миллионов, я погасил его пятьюдесятью американскими центами. Долларовая бумажка, что уж говорить о фунтовой, представлялась несметным богатством, лучше сказать – скатертью-самобранкой. Помню, на одном из общих собраний Союза литераторов я обратился с напоминанием об уплате причитающихся членских взносов. Один из присутствующих сказал: “Прошу принять мой взнос!” и поднял руку, державшую бумажку в десять шиллингов. Надо было видеть, какая сразу воцарилась благоговейная тишина... Да! Такая бумажка подлинно была скатертью-самобранкой: и с малым количеством иностранной валюты можно было, под ее обеспечение, получать в банках миллионы, миллиарды германских марок, которые Рейхсбанк печатал во всех крупных типографиях, выпускал в несметном количестве и которые феерически обесценивались не с каждым днем, а с каждым часом, каждой минутой. Поэтому расплачиваться за миллиарды можно было буквально грошами иностранной валюты... У меня был знакомый, умудрившийся таким образом выстроить и

иностранцев – обладателей валюты или иных ценностей (драгоценных металлов или камней, мехов и т.п.) привела к притоку иммигрантов из стран Восточной Европы и к реэмиграции беженцев из Франции. Разумеется, основная масса эмигрантов не имела бриллиантов или мехов. Однако даже скромные гонорары в несколько долларов за публикации в американских или в рижских газетах позволяли сводить концы с концами. «В конечном счете поток эмигрантов подчинялся простейшим законам: где скорее всего можно было выжить, если не потеряна надежда вернуться на родину, и где подольше можно было продержаться с теми средствами, которые удалось спасти», – резюмирует немецкий исследователь Карл Шлёгель¹¹³.

70 000
4 000
9 000
9 000
2 000
3 000
1 000
28 000
145 000
863 000
175 000
7 000
4 000
25 000
15 000
23 000
27 000
20 000
127 000
630 000
110 000
8 000
(2 000)
(1 300)
3 000
(1 000)
(1 700)
17 000
94 000
450 000

Закончилась гиперинфляция – кончилась и роль Берлина в качестве столицы русской эмиграции. После преодоления в конце 1923 года гиперинфляции численность российских беженцев в столице Веймарской республики начинает стремительно сокращаться.

отмеблировать отличную виллу в Груневальде. А сколько домов, целыми кварталами, перешло из рук разоренного инфляцией среднего сословия к иностранцам, в том числе и к русским беженцам...» (Там же). Конечно, забавными такие случаи были для обладателей твердой валюты, что же касается основной массы населения Германии, то это было явно не лучшее время в их жизни.

¹¹³ Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 144.

В середине 1923 года в Германии, по оценке Лиги Наций, находилось 600 тысяч русских, из них более 300 тысяч – в Берлине (Католическая организация *Räpstliches Hilfswerk* зарегистрировала в Берлине 300 тысяч русских, которым требовалась помощь, а по данным *Arbeiterfürsorgeamt*, в 1923 году 360 тысяч русских в Берлине искали приюта). Русское присутствие в столице было весьма и весьма ощутимо. «В 20-х годах Берлин был заполнен русскими, всюду были русские кабаре и дорогие бары для белых эмигрантов, русские рестораны и книжные магазины. В городе продавались три ежедневные газеты на русском языке. Постоянно чувствовалось русское влияние на немецкое искусство, особенно влиятельными были советский театр и советское кино», – пишет об этом историк Веймарской республики А. де Йонг¹¹⁴. Русские были настолько заметны в общественной и повседневной жизни Берлина, что немцы были склонны преувеличивать их численность и влияние на происходящее. Существовал, например, анекдот о немецком патриоте, который застрелился от отчаяния, поскольку нигде в Берлине не смог услышать ни одного немецкого слова: отовсюду доносилась только русская речь.

Начиная с декабря 1923 года экономическая обстановка в Германии постепенно нормализуется. Центральный банк Германии привязывает национальную валюту к продовольственным запасам (вводит так называемую «ржаную марку») и тем самым сокращает инфляцию. В начале 1924 года марка стабилизируется, и стоимость жизни в Германии для иностранцев резко дорожает. Русские эмигранты снова устремляются на запад (прежде всего во Францию, где после войны все еще существовала нехватка трудоспособного мужского населения и рабочая сила была востребована вплоть до 1926 года, когда в стране разразился финансовый кризис), в дальнейшем – в США, а также на восток: в Чехословакию, в балканские страны. Некоторые возвращались в Советскую Россию.

Таким образом, Берлин для сотен тысяч беженцев стал пересадочной станцией. Это точно и образно зафиксировал И.Г. Эренбург в «Визе времени»:

Ведь сколько раз в былые времена, проезжая Берлин, торопились мы скорее перебраться с одного вокзала на другой, подняв воротник пальто, не глядя на прямые, скучные улицы. Берлин тогда казался нам не городом, а узловой станцией. Что же, мы не были столь далеки от правды. Конечно, многое изменилось в Европе. Говорят, что и Берлин сильно изменился. Но сильнее всего изменились мы сами. Если я живу в Берлине, то отнюдь не оттого, что в нем появились мимозы или кианты. Нет, просто я полюбил за годы революции грязные узловые станции с мечущимися беженцами и недействующими расписаниями¹¹⁵.

Однако трансмиграция беженцев в США обернулась для Германии новой проблемой: американские власти принудительно выслали беженцев из России (их против воли сажали на пароходы, идущие в Германию, несмотря на отсутствие германской визы). Таким образом, Германия, старавшаяся снизить количество иммигрантов, поощрявшая трансмиграцию и репатриацию, сама оказывалась территорией, на которую депортировали нежелательных приезжих¹¹⁶. И в 1925 году численность русских беженцев в Германии снова достигает уровня 1922 года – 250 тысяч человек. В 1926 – 1929 годах она сокращается до 150 тысяч. Наконец, в 1930 году она составляет 100 тысяч человек, и в начале 1930-х годов наблюдается ее дальнейшее снижение¹¹⁷.

¹¹⁴ Jonge A., de. *The Weimar Chronicle. Prelude to Hitler*. New York; London, 1978. P. 127.

¹¹⁵ Эренбург И.Г. Виза времени // Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 7. С. 283.

¹¹⁶ PAAA. R 78680. L 337034-36.

¹¹⁷ Volkman H. – E. *Die russische Emigration in Deutschland*. S. 5 – 6; Williams R.C. *Culture in Exile*. P. 111 – 112.

Представление о численности и миграциях русских беженцев в 1920 – 1930-е годы дает приводимая ниже таблица¹¹⁸:

Страна	1922	1930	1937
Турция	35 000	1 400	1 200
Балканские страны			
Греция	3 000	13 000	2 200
Румыния	35 000	30 000	11 000
Югославия	34 000	22 000	27 500
Болгария	31 000	—	15 700
Всего	138 000	68 400	57 600
Польша и страны Балтии			
Эстония	15 000	11 000	5 300
Финляндия	20 000	10 000	8 000
Латвия	16 000	16 000	13 000
Литва	4 000	5 000	5 000
Гданьск	—	—	—
Польша	175 000	85 000	80 000
Всего	230 000	127 000	111 000
Центральная Европа			
Австрия	4 000	3 000	2 500
Венгрия	3 000	5 000	4 000
Чехословакия	5 000	15 000	9 000
Германия	250 000	90 000	45 000
Всего	262 000	113 000	60 500
Франция	70 000	175 000	110 000
Другие страны Западной Европы			
Бельгия	4 000	7 000	8 000
Великобритания	9 000	4 000	(2 000)
Италия	9 000	25 000	(1 300)
Скандинавия	2 000	15 000	3 000
Швейцария	3 000	23 000	(1 000)
Другие	1000	27 000	(1 700)
Всего	28 000	20 000	17 000
Дальний Восток	145 000	127 000	94 000
Всего	863 000	630 000	450 000

Следует учесть, что приведенные данные могут быть неполны, ибо не все эмигранты были зарегистрированы. В то же время многие, натурализовавшись и формально перестав быть эмигрантами, сохраняли национальную идентичность и считали принятие иностранного гражданства формальным актом. Сокращение численности русских эмигрантов объясняется несколькими факторами: высокой смертностью, натурализацией, неблагоприятной демографической ситуацией – большинство эмигрантов были одинокими мужчинами, что обусловило низкую рождаемость. За 1921 – 1931 годы, после объявления политической амнистии в 1921 году, в Советскую Россию – СССР вернулось свыше 181 тысячи человек

¹¹⁸ Источник: *Hope Simpson J., sir. The Refugee Problem: Report of a Survey. London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1939. P. 64.*

(пик пришелся на 1921 год – 121 843 человека), большинство из них, по данным эмигрантской печати, было репрессировано¹¹⁹.

Без большого риска ошибиться можно предположить, что среди мигрантов с востока на запад и обратно было немало русских евреев. Точнее, евреев русских и польских. США были традиционной целью еврейской эмиграции из Российской империи в конце XIX – начале XX века, а Германия служила перевалочным пунктом. Теперь ситуация резко осложнилась, и многие были вынуждены возвращаться обратно. Конечно, в данном случае речь идет о беднейших слоях эмигрантов. Люди состоятельные имели, как правило, возможность обеспечить себе необходимые документы и финансовые гарантии заранее. Но для них в 1920-е годы США не были особенно привлекательны: деловая и интеллектуальная элита русско-еврейской эмиграции предпочитала Европу, более близкую по языку (немецкий и французский были «стандартными» языками, изучавшимися в российских учебных заведениях, в отличие от английского) и культуре.

Карл Шлёгел пишет о восточноевропейских евреях, по-видимому, не без влияния «берлинской» прозы Эренбурга:

И вот они попали в послевоенный Берлин, как эмигранты, беженцы, транзитные пассажиры или с надеждой остаться здесь навсегда. На десятилетие этот город стал остановкой, промежуточной станцией, сборным пунктом для прибывающих с Востока евреев, будь то на пути в морские гавани Бремен и Гамбург, или по дороге в Палестину, или же (добровольно или в результате высылки) на обратном пути в Россию и в Польшу¹²⁰.

Евреи были третьей по численности этнической группой российской эмигрантской общины в Германии, после собственно русских и русских немцев (К. Шлёгел подразделяет немцев, в свою очередь, на немцев, живших в великорусских губерниях, и балтийских). В нашем распоряжении есть точные данные о еврейской составляющей российской иммиграции только на 1925 год (данные на 1925 год приводятся в статистическом справочнике Х. Зильберглайта о евреях Германии, изданном в 1930 году): из приблизительно 250 тысяч эмигрантов из России 63 тысячи составляли евреи¹²¹.

В первые послевоенные годы иммиграция восточноевропейских евреев была преимущественно рабочей (75,96 % мигрантов – мужчины в возрасте от 15 до 30 лет¹²², большинство занималось неквалифицированным физическим трудом¹²³). Однако позже, в 1925 году, примерно четверть еврейских мигрантов – около 17 500 – обеспечивали себя уличной торговлей, около 5500 были мелкими ремесленниками (портными, сапожниками, чистильщиками шляп и т.п.)¹²⁴. В Баварии основную массу работающих мигрантов составляли рабочие на табачных фабриках, скорняки, розничные торговцы, учителя, лавочники, пекари, мясники, плотники, сапожники, музыканты, ювелиры, мелкие промышленники¹²⁵.

Однако экономическое влияние миграций на еврейское население в целом принято связывать с доминированием нового вида занятости евреев – в сфере физического труда. «Миграции восточноевропейских евреев и происходивший с исключительной во всемирной истории скоростью процесс пролетаризации, в кратчайшее время превративший еврейские массы из народа торговцев в народ рабочих-пролетариев, – это неоспоримые факты», – отме-

¹¹⁹ Будницкий О.В. Эмиграция // Россия. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2004. С. 408.

¹²⁰ Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 386 – 387.

¹²¹ Williams R.C. Culture in Exile. P. 113.

¹²² Eschelbacher K. Die ostjüdische Einwanderungsbevölkerung der Stadt Berlin. S. 16 – 17.

¹²³ Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 38 – 39.

¹²⁴ Silbergleit H. Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich. S. 104 – 105.

¹²⁵ Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. Yerušalayim, 1997. P. 401.

чают в 1923 году руководители благотворительной организации Союз восточных евреев¹²⁶. Американская статистика в 1931 году отмечает «вытеснение традиционных видов занятости, таких как розничная торговля и неопределенные занятия люфтверменшей¹²⁷, физическим трудом (более тяжелым, но более продуктивным)»¹²⁸.

Миграции послужили причиной и более глобальных изменений, происходивших с еврейством, которые современники сравнивали по степени воздействия на еврейский народ с изгнанием из Иудеи после поражения восстания Бар-Кохбы¹²⁹.

Во-первых, переселение из мест традиционного проживания означало отрыв от корней, секуляризацию, отход от традиционного уклада жизни. Основные последствия этого явления были двух типов: социальные (ослабление влияния и власти общины, резкое расширение системы социальных связей для бывших ее членов) и культурные (отход от традиционных ценностей и подверженность влиянию культуры нового окружения). Во-вторых, среда проживания евреев изменилась: в Восточной Европе большинство евреев жили в местечках и мелких городах, в эмиграции же они концентрировались преимущественно в мегаполисах, в основном в столицах¹³⁰.

Заметно изменился социокультурный облик евреев-мигрантов. Слом традиционной общинной структуры означал резкое социальное расслоение и секуляризацию. Стереотип набожного самодостаточного еврея в традиционной одежде, часто идеализируемого и противопоставляемого немецкому еврею, устарел. Пролетариат и интеллектуалы примыкали к политическим движениям, часто радикальным. Ортодоксия уступала секулярным формам еврейской самоидентификации¹³¹.

В условиях отрыва от традиционной жизни, переезда из замкнутой общины в большой город в среде восточноевропейских евреев появились две новые социальные проблемы: воровство и проституция. Это дополнительно обострило отношения между немецкими евреями и мигрантами¹³². Особенно трудно поддавалась искоренению проблема проституции. Действия Союза еврейских женщин (*Jüdischer Frauenbund*), который пытался бороться с проституцией, привлекая к ней общественное внимание, не имели эффекта, поскольку еврейские религиозные лидеры предпочитали эту проблему замалчивать¹³³.

Восточноевропейские евреи не были желанными гостями в Германии. Для немцев восточноевропейские евреи были «чужаками», они выглядели не так, как европейцы, придерживались иных обычаев, были, казалось, отсталыми, говорили на непонятном языке. Их большая численность, чуждость и неизбежные попытки найти жилье и работу в нищей послевоенной Германии сослужили им дурную службу. Веймарскую Германию захлестнула сильнейшая волна антисемитизма: немцы, потрясенные поражением Германии в войне, часто обвиняли собственных евреев в саботаже, предательстве и шпионаже в пользу про-

¹²⁶ PAAA. R 78713. L 348771-72.

¹²⁷ Люфтверменш (луфтверменч) (*идиш*) – буквально: человек воздуха. Имеется в виду человек без определенных занятий, живущий случайными заработками. Фигура, характерная для перенаселенных еврейских местечек черты еврейской оседлости в конце XIX – начале XX в. Выразительные образы люфтверменшей созданы Шолом-Алейхемом.

¹²⁸ *Liebmann H.* International Migration of the Jews // *International migrations. Vol. II. Interpretations by a group of scholars in different countries* / W.F. Willcox, ed. New York, 1931. P. 520.

¹²⁹ *Ibid.*

¹³⁰ *Ibid.* P. 519.

¹³¹ *Barkai A., Mendes-Flohr P.* German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918 – 1945. New York, 1998. P. 62 – 63.

¹³² *Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. P. 143; *Niewyk D.L.* The Jews in Weimar Germany. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. P. 118. Проблема проституции евреек-иммигранток стала предметом специального обсуждения на Международной еврейской конференции, состоявшейся в 1917 году в Лондоне (PAAA. R 78729).

¹³³ *Niewyk D.L.* The Jews in Weimar Germany. О Союзе еврейских женщин см.: *Kaplan M.A.* Die jüdische Frauenbewegung in Deutschland, Organisation und Ziele des Jüdischen Frauenbundes 1904 – 1938. Hamburg, 1981.

тивников, скудное и нестабильное послевоенное существование заставляло немцев видеть в еврейских мигрантах нахлебников, конкурентов за квартиры и рабочие места, спекулянтов и попрошайек.

В общественном сознании восточноевропейские евреи представляли жадными, пронырливыми, аморальными; их обвиняли в спекуляции драгоценными металлами и хлебом и т.д. Во время финансового кризиса 1923 года в нескольких городах Германии, а также в Шойненфиртеле, районе компактного проживания еврейских мигрантов в Берлине, происходили погромы, которые удалось остановить только после обращения к министру внутренних дел К. фон Северингу¹³⁴. Самая крупная волна погромов в Шойненфиртеле лишь на несколько дней предшествовала гитлеровскому пивному путчу в Мюнхене¹³⁵.

Пребывание в Германии для мигрантов было неизбежно сопряжено с юридическими трудностями. Если до войны российский гражданин мог беспрепятственно проживать в Германии, то после войны такое право в соответствии с нормами законодательства предоставлялось не каждому. Германия старалась ограничить въезд мигрантов, периодически ужесточала паспортно-визовый режим, устраивала полицейские облавы, высылала нелегальных эмигрантов из страны. В то же время беженцы из России лишились поддержки своего государства (правда, возможной лишь теоретически). В декабре 1921 года ВЦИК Советской России издает указ, согласно которому все бывшие российские граждане, прожившие более пяти лет непрерывно за границей, которые до 1 июня 1922 года не получают в советских представительствах действующие паспорта, лишаются советского гражданства¹³⁶.

Большинство русских беженцев в Германии автоматически получили статус бесподданных, т.е. людей без гражданства, лишенных опеки со стороны какого бы то ни было государства. В Германии бесподданные были беззащитны перед мерами, которые принимались полицией, – арестами, интернированием и т.п. Власть подталкивала их к социальному одиночеству: дети бесподданных, родившиеся в Германии, объявлялись тоже бесподданными; немецкая женщина, вышедшая замуж за бесподданного, теряла гражданство¹³⁷. Фактически эти меры означали, что естественным путем число бесподданных в Германии сократиться не могло, и поэтому власть прибегала к массовым высылкам из страны. В 1921 – 1922 годах на посту министра внутренних дел социал-демократа К. фон Северинга, противника высылки, сменил член Немецкой демократической партии А. Доминикус; демократы были настроены гораздо жестче по отношению к восточноевропейским мигрантам, нежели социал-демократы. Условия для применения этой меры формулировались общо, что оправдывало высылки любого количества беженцев. Согласно распоряжению МВД Германии от 21 октября 1921 года, высылка была возможна, если:

- 1) есть доказательства или подозрения, что беженец способен принести вред стране,
- 2) он является спекулянтом или посетителем игровых заведений,
- 3) он владеет недвижимостью, не получив на это разрешения в муниципалитете или не представив его в течение двух недель,
- 4) он получил работу не в соответствии с действующим законодательством о предоставлении работы иностранцам,
- 5) у него нет приюта и занятия¹³⁸.

¹³⁴ Maurer T. Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933. Hamburg, 1986. S. 329 – 332. Об антисемитской пропаганде и ее роли в организации погромов см.: Ibid. S. 339.

¹³⁵ Ibid. S. 338.

¹³⁶ Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 29.

¹³⁷ Ibid. S. 31.

¹³⁸ PAAA. R 78705. L 348531.

На заседаниях в МВД Германии высказывались мнения, что высылки неэффективны и бесполезны для страны¹³⁹, однако они продолжались до конца 1923 года, когда пост министра внутренних дел вновь занял К. фон Северинг¹⁴⁰.

Одним из факторов, облегчающих властям обоснование высылки, была проблема документов: дореволюционные паспорта были недействительны, действующих советских паспортов (или паспортов какого бы то ни было другого государства) у бесподанных не было. В феврале 1920 года в Шойненфиртеле, еврейском районе Берлина, полиция провела рейд, окончившийся арестом жителей, не имевших документов, — таких жителей на улицах района оказалось немало¹⁴¹.

По требованию властей Германии все иностранцы, въезжающие в страну или выезжающие из нее, должны были иметь паспорт и каждый раз при пересечении границы представлять штамп на визу. В течение 48 часов по приезде следовало зарегистрироваться в полиции, чтобы получить персональное удостоверение личности, дающее разрешение на перемещение в пределах Германии, и вид на жительство. Первоначально срок действия удостоверения личности составлял от 6 недель до 3 месяцев, впоследствии он был увеличен до 6 месяцев. Каждое продление удостоверения личности было сопряжено с проверкой в полиции и чревато высылкой¹⁴². Документы могли выдавать как центральные инстанции (МВД), так и местные¹⁴³. Кроме того, особые документы для беженцев выдавались в эмигрантских организациях.

В 1922 году комиссар Лиги Наций по делам беженцев Фритьоф Нансен ввел временные проездные документы (так называемые нансеновские паспорта) для эмигрантов, позволявшие им свободно перемещаться по территории стран, принявших условия Женевской конференции. Однако в Германии система нансеновских паспортов не была широко распространена¹⁴⁴, и беженцы пользовались временными документами, выдаваемыми эмигрантскими организациями.

В.В. Набоков не без доли иронии вспоминал о беженских паспортных проблемах:

Оглядываясь на эти годы вольного зарубежья, я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге, среди не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев, в чьих городах нам, изгнанникам, доводилось физически существовать... Наша безнадежная физическая зависимость от того или другого государства становилась особенно очевидной, когда надо было продлевать визу, какую-нибудь шутовскую карт д'идантите, ибо тогда немедленно жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах,

¹³⁹ PAAA. R 78713. L 348771-72.

¹⁴⁰ Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 119.

¹⁴¹ Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequmat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. P. 399.

¹⁴² Williams R.C. Culture in Exile. P. 144. С.М. Дубнов, при всей своей известности и связях, далеко не сразу получил постоянный вид на жительство. По его словам, «для получения права на наем комнат приходилось ходатайствовать в жилищных комитетах городского управления, причем центральный комитет отсылал просителей к районным, а районные в центральный. Нелегко было также добиться продления права жительства в Берлине. Вследствие наплыва огромной массы эмигрантов и иностранцев вообще, в том числе спекулянтов на инфляции, полицией-президиум давал новоприбывшим право жительства только на короткие сроки. За меня ходатайствовал профессор-ориенталист Собернгейм (*Зобернхайм*), занимавший высокий пост в Министерстве иностранных дел, и даже после этого мне выдали разрешение на жительство только в течение двух месяцев, так что впоследствии приходилось каждый раз просить о продлении срока. Позже отсрочивали на полгода и на год, пока не дали в 1926 г. разрешения на бессрочное жительство» (Дубнов С.М. Книга жизни. С. 532).

¹⁴³ Рабинович И.М. Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин, 1921. С. 50 – 51.

¹⁴⁴ Williams R.C. Culture in Exile. P. 145.

пока пухли его досье на полках у всяких консулов и полицейских чиновников. Бледно-зеленый несчастный нансенский <так!> паспорт был хуже волчьего билета; переезд из одной страны в другую был сопряжен с фантастическими затруднениями и задержками. Английские, немецкие, французские власти где-то, в мутной глубине своих гланд, хранили интересную идейку, что, как бы дурно ни была исходная страна (в данном случае, советская Россия), всякий беглец из своей страны должен априори считаться презренным и подозрительным, ибо он существует вне какой-либо национальной администрации. Не все русские эмигранты, конечно, кротко соглашались быть изгоями и привидениями¹⁴⁵.

По отношению к беженцам – восточноевропейским евреям власть проводила двойственную политику. С одной стороны, декларировался принцип гуманности (немецкие власти брали под защиту евреев, которые, будучи высланными на родину, стали бы жертвами погромов¹⁴⁶ – такое отношение декларировалось в Указе о восточноевропейских евреях от 1 ноября 1919 года, о котором речь пойдет ниже); с другой стороны, численность беженцев и их «заметность» в общественной жизни государства старалось снизить. Еще в 1918 году правительство запретило въезд в Германию еврейским сезонным рабочим¹⁴⁷. Еврейские беженцы тем не менее имели небольшое преимущество перед остальными благодаря деятельности Бюро попечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt) – еврейской организации, сотрудничавшей с МВД Германии. Бюро попечительства о рабочих было уполномочено выдавать удостоверения личности своим подопечным и представлять в МВД ходатайства за тех или иных мигрантов¹⁴⁸.

Двойственным было и отношение властей к трудоустройству евреев-беженцев. В целом для большинства из них, как для бесподданных, попытки трудоустройства неизбежно становились попытками преодоления юридических препятствий. В статье 1927 года «Социальная проблема беженства» А.А. Гольденвейзер так описывает эти препятствия:

Самое тяжелое правоограничение для беженцев касается их права на труд. И в этом отношении бесподданные приравнены к иностранцам. А по существующим в Германии правилам, иностранец, приехавший в страну после 1913 г., не может наниматься на сельскохозяйственные работы; приехавший после 1919 г. – не допускается также к работе на фабриках. Случаи освобождения от этого запрета крайне редки. Так как почти все русские беженцы выехали в Германию после 1919 года, то для них всех, за ничтожными исключениями, закрыт доступ к земледельческому и промышленному труду. Вся жизнь русской беженской колонии в Германии проходит под знаком этой невозможности заняться продуктивным трудом¹⁴⁹.

Итак, в области трудоустройства германские власти установили временной ценз. Эту меру следует, несомненно, рассматривать как попытку ослабить конкуренцию, которую иностранцы представляли для немецких работников. Напомним, что в 1914 году иностранные подданные, проживавшие на территории Германии, были интернированы; большинство послевоенных трудовых мигрантов приехало в страну уже после 1919 года.

¹⁴⁵ Набоков В.В. Другие берега. М., 2001. С. 253 – 254.

¹⁴⁶ Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 114.

¹⁴⁷ Ibid. S. 154, 47.

¹⁴⁸ Ibid. S. 66 – 68.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

2 февраля 1926 года был принят указ, согласно которому иностранные рабочие могли быть трудоустроены только в том случае, если у работодателя было специальное разрешение на трудоустройство (*Befreiungsschein*), причем право получить это разрешение и претендовать на рабочее место давали документы, подтверждающие, что их обладатель находился в Германии с 1921 года. Этот ценз тоже иногда оказывался непреодолимой преградой, поскольку у большинства трудовых мигрантов (многие из которых не регистрировались в полиции и не получали отметки в паспорте от тех или иных местных властей) не было документов, которые могли бы удостоверить длительность их пребывания в Германии¹⁵⁰.

Определенное облегчение в положении мигрантов наступило в 1927 году, когда они получили некоторые социальные гарантии. А.А. Гольденвейзер писал об этом по горячим следам в статье «Социальная проблема беженства»: «Государственные меры социальной помощи и призрения в большинстве также не распространяются на бесподанных. Лишь недавно в этом вопросе пробита брешь: по распоряжению министра труда от 17-го февраля 1927 года бесподанные не в пример другим иностранцам, будут получать пособия по безработности»¹⁵¹. В действительности речь шла о двух видах пособий: о пособии по безработице и о пособии, выделяемом для поддержания прожиточного минимума (*Krisenunterstützung*)¹⁵².

Несколько более привилегированным был статус военнопленных. Их положение определялось декретом МВД IV b 3412 от 15 августа 1922 года¹⁵³: по соглашению с Советской Россией отправка военнопленных на родину без их собственного согласия не производилась, и даже правонарушения, совершенные ими на территории Германии, не могли служить основанием для высылки¹⁵⁴. Однако проблемы, связанные с документами, касались и их: принудительная высылка была допустима, если у военнопленного после 15 сентября 1922 года не было при себе бумаг, подтверждающих его статус¹⁵⁵.

Положение еврейских эмигрантов на общем фоне было более благоприятным, чем положение мигрантов в целом. Эта привилегия была законодательно подкреплена Указом о восточноевропейских евреях от 1 ноября 1919 года (VI b 2719)¹⁵⁶. Указ был издан В. Хайне, тогдашним министром внутренних дел от социал-демократической партии, либерально настроенным по отношению к еврейским беженцам. В указе описывается тяжелое положение мигрантов, опасности, которые угрожают им на родине. Указ оправдывает, с одной стороны, присутствие евреев в Германии, с другой стороны, обосновывает необходимость принятия мер по ограничению притока восточноевропейских евреев (в частности, закрытия границы). Масштабная высылка мигрантов представляется Хайне невозможной: во-первых, она противоречит принципам гуманности, во-вторых, она неосуществима из-за политических препятствий (он утверждал, что восточноевропейские страны не дадут беженцам разрешения на въезд на свою территорию).

Исходя из этих соображений, власти формулируют принцип отношения к восточноевропейским евреям в Германии – *Duldung*, т.е. терпение. Указ предусматривает различные основания для высылки мигрантов из страны, однако в целом евреям разрешается жить и работать в Германии. Их трудоустройство противоречит интересам большинства немецких рабочих, о чем прямо сказано в тексте указа: «Скорое трудоустройство безработных восточноевропейских евреев, в котором заинтересованы все, осложняется тем, что, согласно суще-

¹⁵⁰ *Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 31.*

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

¹⁵² *Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 303.*

¹⁵³ *Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 30.*

¹⁵⁴ PAAA. R 78680. L 336960.

¹⁵⁵ *Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 30.*

¹⁵⁶ Текст указа опубликован в: *Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880-1940. S. 158 – 161.*

ствующим предписаниям, для этого требуется разрешение Рейхспрезидента, для устройства на работу в сельском хозяйстве – разрешение Ландрата. Введение этих разрешений преследует простую цель: предотвратить безработицу среди немецких рабочих, которая усугубляется вследствие трудоустройства иностранцев»¹⁵⁷. Тем не менее оно представляется желательным, и для достижения этой цели Министерство внутренних дел развивает сотрудничество с еврейскими организациями (прежде всего с тем же Бюро попечительства о рабочих).

Положения этого указа кажутся достаточно странными, особенно на фоне общей ситуации в Германии. По мнению С. Ашхайма, составители указа рассчитывали, что еврейские мигранты покинут страну, как только это станет возможным¹⁵⁸. Таким образом, предполагалось, что меры, облегчающие пребывание евреев в Германии, будут действовать в течение ограниченного времени (хотя никакие конкретные сроки не оговаривались). Однако едва ли можно было рассчитывать, что принятие закона, благоприятствующего нормальному существованию евреев в стране, подтолкнет их к отъезду; скорее наоборот, оно способствовало бы все большему притоку восточноевропейских евреев в страну. Можно было бы объяснить содержание закона давлением еврейских организаций: С. Ашхайм указывает, что Бюро попечительства о рабочих «имело приоритет в поисках работы для нетрудоустроенных мигрантов. Это спасало их от высылки, которой требует закон для [безработных]»¹⁵⁹, однако едва ли они были настолько влиятельны, чтобы лоббировать принятие настолько непопулярного среди населения указа.

¹⁵⁷ Ibid. S. 160.

¹⁵⁸ *Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. P. 238.

¹⁵⁹ Ibid. P. 239.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.